

КАПРИЗЫ И СТРАННОСТИ СУДЬБЫ

ОЛЕГ РОЙ

Повторный брак

Олег Рой

Повторный брак

«ЭКСМО»

2014

Рой О. Ю.

Повторный брак / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-67111-3

Анна в поисках лучшей жизни легко рассталась со своим мужем Сергеем. И когда подруга Маша «подобрала» брошенного супруга, Анечка даже обрадовалась – пусть дорогие сердцу люди окажутся счастливы. Но взгляд на жизнь резко изменился у Анны после того, как она нанесла плановый визит к врачу. Ей вдруг позарез оказались нужны и бывший муж, и лучшая подруга в прежних своих ролях, а не в статусе новой семейной пары. Можно легко догадаться, что же произошло в стенах клиники. Но разве можно догадаться, что неожиданные события твоей жизни оказались... запланированными одним модным писателем, претерпевающим творческий кризис.

ISBN 978-5-699-67111-3

© Рой О. Ю., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	27
Глава 4	33
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Олег Рой

Повторный брак

© Резепкин О., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Памяти моего сына Женечки посвящается

Глава 1

Когда уходит вдохновение

Голубое око компьютера, не мигая, с немым укором взирало на Семена. В прямом смысле слова, поскольку на странице 52 были набраны всего лишь три верхних строчки, а дальше – голубое, девственно чистое поле, полная пустота. Экран словно бы вызвал немедленно заполнить эту пустоту, и Семен не на шутку начал испытывать угрызения совести. Только этого еще не хватало ко всем прочим нерадостным ощущениям, которые он переживал в последнее время.

А ведь поначалу новая книга пошла так легко! Слово за словом нанизывалось на затейливый изящный сюжет, и он так торопился записать невесть откуда появляющиеся фразы, что пальцы иногда промахивались мимо клавиш и приходилось усилием воли осаждать их прыть, чтобы записать все точно и исправить опечатки. Его буквально лихорадило от прилива вдохновения. Мысль неслась вперед, как конь-фаворит на скачках. Пальцы барабанили по клавиатуре без усталости, стараясь угнаться за стремительной мыслью, запечатлеть все ее оттенки. Казалось, этому не будет конца.

И вдруг – облом! До финишной прямой еще писать и писать, а мысль испарилась, исчезла, унеслась неведомо куда, оставив его один на один с голубоглазым электронным чудовищем, которое настойчиво требовало пищи. Источник буйной фантазии Семена неожиданно иссяк. А именно его стараниями молодая очаровательная женщина загнана в угол, откуда ей нет выхода. А ведь он успел ее полюбить, наделить многими необыкновенными качествами, которыми должна обладать его любимая женщина, и сам же ее и погубил. Теперь она прозябает на задворках его незаконченного романа, а он, этакий Пигмалион-недоучка, не знает, какую долю ей уготовить. Оставить на произвол судьбы? Но тогда нужна неожиданная и эффектная концовка. Или попытаться спасти несчастную и вывести к свету? Но в том-то и беда, что путь ее спасения Семену был неведом.

Он отчетливо понял одно: вдохновение его покинуло. Впервые с тех пор, как он стал писать. Семен знал, что у писателей бывают периоды, когда они часами сидят за столом, мучаясь отсутствием вдохновения. Называется такое состояние творческим застоєм или творческим кризисом. Но его до сих пор Бог как-то миловал. Наоборот, Семен буквально фонтанировал идеями, и у него была лишь одна забота – успеть зафиксировать их, облечь в слова, не упустить удачную мысль и все время развивать сюжет.

Семен тяжело вздохнул и открыл толстый ежедневник, подарок брата, с тиснением на синем переплете слова «Volvo». Кто-то из благодарных пациентов, видимо, владелец машины «Вольво», подарил брату эту фирменную тетрадищу. Семен записывал туда свои замыслы, удачные фразы, наброски к будущим своим книгам. Перелистывая страницы, Семен мысленно повторял: «Не то, не то...» Что-то он уже успел использовать, а все остальное для этого сюжета совершенно не годилось. Порыться, что ли, в других тетрадях, которых накопилось немало...

Семен в каком-то тупом оцепенении уставился в окно невидящим взглядом. Голова казалась абсолютно пустой. В животе неожиданно заурчало от голода. Проплыла вялая ничтожная мысль: «Поест бы...».

Холодильник тоже не порадовал ничем приятным. Нельзя сказать, чтобы он был пуст. Кое-что на его полках имелось, но совсем не воодушевляло. Сплошь консервные банки, а это, как говорится, не фонтан. А у мамочки небось в это время на плите стоят кастрюльки, и она священнодействует над ними, поскольку любит вкусно поесть и обожает готовить. Вот такое счастливое совпадение, как говорят в надоевшей рекламе, – два в одном.

Семен решительно выключил компьютер и встал из-за стола. Раз уж такая непруха, лучше исполнить сыновний долг и навестить родительское гнездо. Он там не показывался уже неделю. Мама опять пошутит: «На запах пришел?..»

Он провел рукой по щеке – не мешало бы побриться. Бабушка, хоть и подслеповата, всегда замечает, когда он небрит. И выражает свое «фэ» укоризненным взглядом. Иногда и по щеке может легонько хлопнуть. Сугубо в воспитательных целях. Не признает она эту новомодную трехдневную щетину, которой щеголяют стильные мужчины. Особенно ее раздражали публичные люди – артисты, политики, телеведущие, которые, по ее мнению, должны были подавать совсем другой пример, а не демонстрировать свои неухоженные мохнатые рожи, как будто они предстали на всеобщее обозрение после трехдневной беспробудной пьянки. Или не ночевали дома. Что тоже неприлично. Семен-то из опыта знал, что щетина ему идет, женщины посматривали на него с интересом. Да и демократичная мама советовала ему завести бородку – для солидности. А то вид у него какой-то совсем мальчишеский. Это при его-то высоком росте и фигуре вполне зрелого мужчины! Но нарываться на бабушкино пренебрежительное хмыканье почему-то не хотелось. И Семен стал собираться к своим любимым дамам, как на любовное свидание. Он не даст им повода заподозрить, что с ним происходит что-то неладное. Пусть думают, что он по-прежнему энергичен и успешен, как и полагается модному писателю.

У выхода из подъезда он столкнулся с соседом по лестничной клетке – Колькой, мрачным мужиком, который волок на поводке бультерьера. Отвратительная поросычья рожа пса оскалилась острыми зубами, и Семен в который раз подивился несоответствию свиного рыла и страшных зубов бойцовского пса. В довершение к природному перекоосу в создании этой собачьей породы шерсть у бультерьера тоже была по-поросычьи светлой и короткой, как щетина. Сквозь нее просвечивала розовая кожа. Совершенно свиная. Если бы Семен не был воспитан в культурной семье, то непременно плюнул бы вслед этому чудовищу. Чтобы Колька не видел. Тем более что хозяин был под стать своему питомцу – маленькие заплывшие глазки черными сверлящими точками недоверчиво взирали на каждого, кого он встречает на своем пути. Он соседей не любил, хотя это не мешало ему иногда заявляться посреди ночи просить займы. Как раз два дня назад в час ночи позвонил в дверь Семена. Тот через глазок увидел его перекошенную рожу, но дверь все-таки открыл, зная наперед, зачем к нему пожаловал сосед. Колька лыка не вязал и стоял, пошатываясь, как будто его штормило.

– Дай тыщу, сосед, менты повязали. Со двора выезжал, двойную линию пересек, в бордюр на той стороне врезался. Блин, еще и бампер отвалился.

– Когда только успел? – удивился Семен, памятуя, что на улице уже глухая ночь. К тому же он подозревал, что в таком состоянии у Николая не получилось бы даже отличить дверцу машины от двери подъезда.

– Шас, минут десять назад, – коротко ответил Колька. – Дам тыщу ментам – отвалят на фиг. Не дам – права отнимут, потом получай их через суд. А мне завтра к Райке на дачу, харчи отвозить.

– А менты где? – Семен перегнулся через перила, с любопытством оглядев два доступных его взору лестничных пролета. Хотелось, чтобы это ночное приключение выглядело поинтереснее – и менты бы стояли на страже порядка с автоматами наперевес, ожидая небольшую награду за проявленную лояльность.

– Машину стерегут, – разочаровал его сосед вялым голосом и шмыгнул носом.

Колька выглядел хуже некуда. Лицо серое, в испарине, дышал он, как загнанная лошадь. Его передергивало, коржило, того гляди начнутся судороги. «Как бы не помер на пороге!» Семен дал соседу денег, чтобы тот откупился от ментов и поскорее уехал бы на свою дачу. И пса бы увез, можно будет спокойно проходить мимо их квартиры, не рискуя жизнью.

И сейчас, пропуская соседа и псину, Семен подивился живучести Кольки. Морда вполне ничего, как всегда, просит кирпича. А ведь позавчера Семен с ним мысленно уже попрощался... Жалел он только об одном – Колька на даче никогда надолго не задерживался.

Собачьи зубы щелкнули в пяти миллиметрах от ноги Семена. Колька хмуро поздоровался. Визит к Райке явно не поднял ему настроения. О деньгах он тоже не вспомнил. Но Семен особо не беспокоился, деньги сосед всегда возвращал, хотя и не сразу. Наверное, привыкал к ним и с трудом отрывал от себя. Однажды, отдавая очередной долг, он мрачно изрек:

– Вот так всегда. Берешь чужие, отдаешь свои.

И ни слова благодарности. Но у Семена был принцип – людям надо помогать. И в ответ на черную неблагодарность соседа он все-таки продолжал давать ему взаймы.

Мама, как обычно, обрадовалась сыну, расцеловала его в обе щеки. Из кухни доносился чудный аромат курицы-карри. Мама не так давно научилась готовить курицу по особому рецепту – откровенно говоря, весьма экзотическому. И не спешила осваивать новое блюдо. Никак не могла остановиться, хотела и дальше совершенствоваться. В последнее время, по крайней мере в три последних посещения, запах курицы-карри неизменно встречал Семена, когда он еще только подходил к дверям квартиры.

– На запах пришел? – мама ласково улыбнулась.

– А? Кто пришел? – громко закричала бабушка из своей комнаты и выкатилась встречать младшего внука в сверкающем никелем инвалидном кресле.

Семен поспешил ее обнять, бабушка на мгновение прижалась щекой к его щеке. «Не зря брился...», – подумал внук. На большие сантименты он и не рассчитывал.

– Что за парфюм у тебя? Новый? Я что-то такого не знаю! – сразу учуяла бабушка незнакомый запах.

– «Булгари», мужской вариант.

Семена забавляло, как бабушка, невзирая на свои, мягко говоря, весьма преклонные годы, интересовалась парфюмерными новинками. На ее туалетном столике красовалась целая коллекция изящных бутылочек и пузырьков. Подобная ее страсть к ароматам сильно облегчала проблему подарков к Новому году, Рождеству, дню рождения и женскому дню. Главное, нужно было найти какую-нибудь хитовую новинку, изготовленную парфюмерной промышленностью Франции или Италии. Бабушка отдавала предпочтение именно этим странам. Духи она собирала со страстью, присущей настоящему коллекционеру. И дрожала над своей коллекцией с теми же чувствами. Постоянно протирала пузырьки фланелевой тряпочкой, не допуская даже мысли о том, чтобы доверить кому-нибудь свое богатство. Вот тряпочку вытряхнуть от пыли могла позволить кому угодно, проявляя удивительное легкомыслие. Даже внуку Семену. Хотя он однажды умудрился уронить такую тряпочку, когда рьяно вытряхивал ее в открытую форточку. Переусердствовал. Лоскуток парашютиком плавно спланировал на ветку дерева, да так и остался висеть там, призывно желтея. Бабушка пожурела Семена за небрежность, но особо не огорчилась. Что с него возьмешь, с шалопаю эдакого!

Мама накрыла на стол и положила Семену солидную порцию курицы. Она с удовольствием отметила, какой хороший аппетит у ее младшенького. Он исправно работал челюстями, иногда они даже пощелкивали.

– Вкусно, мамуля! – спохватился Семен, что забыл восхититься ее стряпней.

– Ешь, сынок, ешь, наедайся. А то на твоих консервах недолго и язву желудка заработать.

Бабушка тоже ела с отменным аппетитом и тоже похрустывая челюстями. Это похрустывание у них было семейным. Зубные врачи из клиники «Дента-плюс» поначалу пугались этой особенности, но и они вскоре попривыкли, когда члены семьи Лодкиных стали их постоянными пациентами.

После обеда завязался непринужденный разговор. Семен вдохновенно врал о своем невиданном творческом подъеме, неожиданных находках в развитии сюжета и удачных деталях, благодаря которым создаваемый им образ героини становится все более живым и совершенным. Говорить о том, что он застрял в самом начале романа, ему не хотелось из суеверия: скажешь вслух – непременно так и будет. А промолчишь – может, еще как-то и образуется.

Бабушка подкрутила колесико слухового аппарата на полную мощность и с интересом слушала внука. Неожиданно она перебила его:

– Ты не очень-то увлекайся этим своим совершенным образом. Прямо ангел какой-то во плоти. Идеальных женщин в природе нет. Пора бы тебе это знать, если ты до сих пор этого не понял, – со значением добавила она. – Впрочем, как нет и идеальных мужчин. Что весьма прискорбно.

Она поджала губы, помолчала, что-то вспоминая, затем продолжила:

– Помню, был у меня один поклонник, еще когда мы жили в Иркутске. Когда мой папа там налаживал новое дело. И вот в меня влюбился богатый китаец, Чжоу его звали. Да, Чжоу... Красивый! – мечтательно протянула она своим слегка дребезжащим голосом. – И ухаживал он тоже красиво. Как ни придет – цветы и конфеты обязательно. В черном костюмчике, белоснежной рубашечке, галстук – каждый раз новый... Усики тоненькие, глаза сияющие... Прямо восточный принц. Молодой совсем, ему тогда едва двадцать четыре года минуло.

– А тебе тогда сколько лет было, бабуля? – заинтересовался Семен. Как настоящий писатель-профессионал он впитывал в себя все интересное с дальним прицелом, использовать при случае в какой-нибудь будущей книге. Историю о китайском поклоннике бабушки он слышал впервые и тут же наострил уши.

– Пятнадцать лет. Я была такая хорошенькая! – все тем же мечтательным тоном протянула бабушка. – Он все ходил, ходил... Даже с папой уже переговорил, что мечтает на мне жениться, когда я постарше стану. Целый год ходил. Я в него, признаюсь, тоже влюбилась. До чего обаятельный он был, культурный, образованный! И такой хваткий, деловой, его отец собирался ему свое дело передать. И вдруг мне подружка говорит, что видела его в компании с одной женщиной, которая слыла у нас особой весьма легкомысленной. Я не поверила, даже рассорилась с ней. Как оказалось, зря. И вторая подружка его с ней видела, рассказала мне, как та смеялась, заливалась, а он ее нежно под локоток держал.

– А ты что же, бабуля?

– От дома отказала! – гордо встряхнула седыми буклями старушка.

– А вдруг подружки тебе наврали? Из элементарной женской зависти. Твоему счастью позавидовали.

– Семочка, увы, не наврали они. Он сам мне признался, что это его старая... связь. Умолял войти в его положение. Дескать, он взрослый мужчина, а ждать три года, пока папенька наш брак благословит, слишком долго. Раскаивался, чуть не плакал. Просил меня уговорить папеньку свадьбу раньше сыграть. Клялся, что все сделает, чтобы я его простила. Говорил, что только меня одну любит. Но я ему гордо ответила, что после этой ветреной женщины он мне не нужен. А вскоре мы вернулись в Москву. У меня на память от него только фотография осталась. Да-а, память о нем. Мы в Иркутске, это было еще до ссоры с ним, всей семьей решили сняться, к нам фотограф на дом приехал. И Чжоу у нас как раз в гостях был. Все вместе и снялись. Не зря в народе говорят, что до свадьбы нельзя сниматься вместе, к разлуке это... – вспомнила бабуля народное поверье и пригорюнилась.

– Бабуль, покажи мне фотографию, – оживился Семен. – Я что-то такой не помню.

Бабушкин рассказ о ее первой любви показался ему очень интересным. А экзотический жених, сын китайского промышленника, и вовсе просился хоть на какую-нибудь эпизодическую роль в книгу.

– Неужели тебе это интересно, Семочка? – Бабушке было приятно, что внука увлекла ее история из далекого прошлого. – Тогда иди в мою комнату, там в шкафчике, в нижнем ящичке, стоит резная коробочка, в ней и лежит фотография Чжоу. Я ее никогда в альбоме с остальными фотографиями не держала, вот ты ее и не видел. Обиделась я тогда на него очень. А потом переживала долго, тосковала.

Со старинной фотографии, наклеенной на толстый картон, на Семена взирали лица людей, живших в прошлом веке. Он отметил, что они очень отличались от современных какой-то чистотой и открытостью взгляда. Он всматривался в лицо бабушки – барышни с пышными локонами и огромными ясными глазами. Ее пухлые девичьи губы слегка тронула лукавая улыбка. Молодой красивый китаец стоял рядом, тоненькие усики, несомненно, украшали его. Чуть припухлые веки и характерные узкие глаза выдавали его восточное происхождение. Но в целом лицо было не столь ярко выраженного восточного вида.

– Любопытно... Видно, что китаец, но может сойти и за европейца, – задумчиво произнес Семен в некотором недоумении изучая фотографию. Припухлость век, широковатые скулы... Кого-то ему это лицо напоминает. Но кого? Он так и не смог определить. И это его смущало. Пока он не мог понять, почему.

– Он же полукровка! У Чжоу – отец китаец, но мать-то, русская, дочь известного купца, который пушшиной промыслял. Фамилию его я уже запомнила. Поэтому, если бы не разрез глаз, его можно было бы принять и за русского. У него и воспитание европейское, – почему-то вздохнула бабушка.

– Бабуль, не грусти! – решил подбодрить ее внук. – У всех бывает первая любовь. И что-то я не слышал, чтобы она оказалась единственной и последней. А если подумать, то почему-то она чаще всего бывает с драматическим финалом.

– И у меня первая любовь тоже закончилась драматично, – подала голос мама.

– Это ты Илью вспомнила? – уточнила бабушка.

– Мамочка, какой Илья? О чем ты говоришь! Я его никогда не любила.

– А почему же рыдала, когда я однажды не отпустила тебя к нему на свидание? Когда ты двойку получила по истории, помнишь?

– Про двойку не помню. А что ты меня не пустила, помню. А рыдала не от любви, а от обиды. Потому что ты тогда ущемляла мою свободу, – обиженно ответила злопамятная дочь-пенсионерка.

– Доченька, что ты такое говоришь?! – всплеснула руками бабушка. – Когда это я тебя ущемляла?

Семен уже от души хохотал, слушая перепалку девяностолетней бабушки и ее семидесятилетней дочери, которые вспоминали события полувековой давности с одинаковой обидой.

– Мамуля, ты лучше поведай нам о той давней драматической любви, чем перечить своей матушке, – наконец попытался он успокоить своих женщин.

Мама тут же переключилась на сына. Слава богу, у нее был легкий характер и она не умела долго заикливаться на чем-то неприятном.

– На самом деле я была влюблена не в Илью, – она метнула обиженный взгляд на бабушку, – а в мальчика Вадика Гелецкого, он в десятом классе учился, а я в девятом. Такой красивый мальчик был, все девочки по нему сохли. Высокий, стройный, лицо смуглое, глаза большие, карие, брови дугой... – начала она описывать красоту своей первой любви. – А он за мной стал ухаживать.

– Еще бы, – не удержалась бабушка, – ты была самой красивой девочкой в школе.

– Нет, – скромно потупила глазки мама, – Вика Соколова была самой красивой. В общем, стали мы с Вадиком дружить. В кино вместе ходили, на танцы, в парке за ручку гуляли.

– Целовались? – деловито поинтересовался сын. История маминой любви показалась ему пресноватой, хотелось добавить в нее немного страсти.

– Ты что, сынок? Какие еще поцелуи? Мы всего три месяца встречались.

– Ты серьезно, ма? Три месяца тебе кажется недостаточным сроком для более близких отношений?

– Семочка, что ты говоришь? – опять всплеснула руками бабушка. – Это же безнравственно! Ей тогда едва минуло пятнадцать, она еще школьницей была, ребенком! Это тебе не нынешнее ужасное время, когда на улице молодежь целуется прямо у всех на глазах.

– Дайте мне рассказать, – обиделась на них мама.

– Извини, мамуля, – встрепнулся Семен, – я просто пока не вижу ничего драматического в твоей истории.

– Я его бросила, вот тебе и драма.

– А за что?

– Да мы с ним все эти три месяца ругались почти на каждом свидании, – махнула рукой мама.

– Правда, что ли? Что-то на тебя это не похоже, – удивился сын.

– Да я и сама не знаю, с чего это мы с ним ссорились каждый раз? То он мои новые босоножки обругал. Помнишь, мамочка, такие плетеные – синие с белым? То часы забрал поносить на два дня, а взамен свои подсунил, неработающие. Говорит: «Смотри, какая красивая картинка на циферблате. Ну и что, что не работают? Зато ни у кого таких нет...». Потом мои часики, правда, вернул. То ему мои губы не нравятся – говорил, что у меня вид надутый, нижнюю губу оттопыриваю. То глаза у меня слишком большие, чего это я таращусь на всех подряд. И почему булку на улице ем – неприлично жевать у всех на виду. А я голодная была, булку себе купила.

– Бедняжка, как ты все эти придирки выдерживала?

– Говорю – красивый был, любила я его.

– Ну и когда же твое терпение лопнуло?

– Да когда через три месяца он вдруг вздумал меня поцеловать. Я так возмутилась! Думаю – вот бабник! Гуляем всего-то ничего, а он такой развратный тип, с поцелуем уже лезет. И ушла от него. Сначала когда он со своим поцелуем полез, я его сильно толкнула. Он так и свалился со скамейки. Я расхохоталась и убежала. Правда, потом плакала, жалко его было. Но уж все – бросила, так бросила. – Мама помолчала, перенеслась мыслями в свою далекую счастливую юность. – И за что я его только любила? – спросила она себя с недоумением.

– А я тебе говорила, – назидательно произнесла бабушка, – не стоит он твоей любви. Будешь вспоминать когда-нибудь и удивляться сама себе.

Семен опять расхохотался, потому как бабушка не упускала случая повоспитывать свою престарелую дочурку и припоминала все ее малейшие промашки. Память у нее была превосходная. Она помнила не только ошибки молодости своей дочери, но и всех ее кавалеров по именам и по годам. В отличие от мамы, которая в них все время путалась, из-за чего у них постоянно происходили споры.

Он стал прощаться.

– Что я могу вам сказать на прощание, дамы? Обе вы падки на мужскую красоту. Что неправильно. Любить надо за душу, а не за красивое личико и тоненькие усики. Надеюсь, когда вы подросли, вы серьезнее стали относиться к своему выбору. А пока целую ручки, дамы, мне пора возвращаться к работе. Меня ждут великие дела, – с пафосом провозгласил Семен и получил на прощание коробочку с небольшой порцией курицы-карри. Они с бабушкой так увлеклись, что в один присест уничтожили почти всю курицу. Правда, мама им активно помогала в данном процессе.

– Береги себя, Семочка! – напомнила мама, поправляя на шее сына толстый исландский шарф. Для этого ему пришлось пригнуться, а ей встать на цыпочки.

Получив прощальный поцелуй, Семен направился к лифту.

«Что же у меня в активе?..» – думал Семен, шагая по улице и рассеянно скользя взглядом по лицам пешеходов. Ну, допустим, у него в активе появилась история про китайца, который будил какие-то смутные воспоминания своими припухлыми веками и скуластым лицом. И куда бы его прилепить? Пока совершенно некуда. Во всяком случае, созданный и заброшенный им образ женщины по-прежнему оставался в тоскливом одиночестве на грани жизни и смерти. Семен все больше убеждался в том, что его новый роман прочно застрял на голубом поле компьютера. А издательские сроки? А читатели, которые неблагодарно забудут имя своего любимца? Что-то надо немедленно предпринять. Но что?

Жизнь на улице кипела вовсю, сновал народ, женщины разного возраста гордо несли свою красоту. «И никому нет дела до погруженного в невеселые мысли известного писателя», – с горечью думал Семен о себе в третьем лице. Правда, не такого известного, чтобы его уже узнавали на улице, но все же пять его книг имели определенный успех, а последние три к тому же выпустили дополнительным тиражом. Что только подтверждало его состоятельность как писателя. Семен решил потолкаться в толпе, вдруг подслушает случайно что-то интересное, что даст толчок какой-нибудь новой идее, поможет сдвинуть роман с мертвой точки?

Как всякий писатель, он был наблюдателен и хватался за каждую интересную деталь в окружающем мире, точно скупой рыцарь, – пускай богатство накапливается. Только, в отличие от скупого рыцаря, свое богатство он не держал под замком в потайных подвалах, а в нужный момент извлекал для сюжета нечто, похожее сначала на тусклое стеклышко – кусочек чьей-то жизни. И это тусклое стеклышко он умел довести до огранки алмаза, снова и снова шлифуя деталь-заготовку.

Народ возвращался домой после трудового дня, штурмом брал городской транспорт, владельцы машин лихо выруливали от тротуаров на оживленный проспект, чудом не сталкиваясь и не сшибая пешеходов. Рабочая неделя подошла к концу, и многие граждане прогулочным шагом, не спеша, дефилировали мимо магазинов. Вот к таким группам и пристраивался Семен, прислушиваясь к разговорам. Две юные девушки громко планировали ночную вылазку в модный клуб. В женских нарядах, так живо обсуждаемых девчонками, он разбирался плохо. А их потенциальные кавалеры, достоинства которых они вслух оценивали, и вовсе вызвали у него тоску. Ночью Семен предпочитал спать. В общем, он не почерпнул ничего интересного из оживленного разговора подружек.

Муж с женой советовались, кому сплавить на ночь детей, чтобы оторваться в компании бывших одноклассников. Семен понял, что обе бабушки молодой четы совсем не спешат обвешивать себя драгоценными внуками. Родители тем временем переключились на соседей, вспоминая, кому в последний раз доверяли своих чад. Сошлись на том, что баба Нина давненько их не выручала, да и берет она за пригляд недорого. Повеселевшие супруги, взявшись за руки, ускорили шаг и понеслись почти вприпрыжку, лихо обгоняя прохожих.

Двое солидных мужчин в одинаковых меховых шапках средней заношенности остановились у привлекшей их внимание машины и начали обсуждать ее технические достоинства. Наконец пришли к общему выводу, что на обслуживание иномарки денег не напасешься. Лучше копить на культиватор. Если сброситься обеими семьями, можно запросто скопить на столь необходимую на дачном участке технику. К тому же до дачного сезона времени навалом, скоро выдадут долг по зарплате, нужно сразу отложить пару сотен в фонд будущей покупки. К лету и наберется само собой. Пройдя несколько шагов, они остановились у витрины магазина спорттоваров и стали советоваться, какой лучше выбрать велосипед. Хорошо бы на десяти скоростях, но если хорошенько подумать, то на кой они нужны? По грунтовой дороге любой велик сгодится. У соседа Петьки велосипед хоть и старый, и колеса восьмерки выписывают, но в поселковый магазин можно и на нем смотаться. Мужики вспомнили, что на дворе январь, велосипед сейчас вроде бы и вовсе ни к чему. Тем более, его и хранить-то негде. С облегчением отвернулись от витрины и, не сговариваясь, завернули в пивбар.

Семену не хотелось и пива. Почему-то заминка в работе резко сузила его интересы и желания. Немного разочарованный скудными впечатлениями, он решил подъехать к дому на троллейбусе. Втиснулся с трудом в салон, зато оказался лицом к окну. Впереди трюхал желтый пикап, на пыльном заду которого кто-то пальцем написал большими буквами сообщение всем следующим за ним автолюбителям: «Угадай маневр. Очумевший. Путаю педали».

У Семена поднялось настроение. Народ у нас веселый, готов ради культиватора от иномарки отказаться, легко меняет десятискоростной велосипед на ржавую рухлядь, а главное – проявляет заботу о ближнем. Не каждый станет предупреждать, что у него не все в порядке с головой. И с ногами тоже.

Дома, чтобы не портить себе настроение, Семен даже не стал включать компьютер. Но и сидеть в полной праздности тоже не хотелось, за людьми интересно понаблюдать и в окно. Благо жил он на втором этаже и иногда даже находил интересные типажи, не вставая из-за письменного стола. А народ за окнами с каждым годом становился все интереснее и чуднее. То неведомо откуда к ним во двор занесло индусов – у кого-то они снимали квартиру, и Семен уже знал всех их в лицо. Одного – толстого и в летах, второго – молодого и стройного, и совсем худенького подростка. Вон как раз поскакал толстый, причем на костыле. Надо же, а неделю назад еще вроде целый ходил, без костыля, очень важный, пузом вперед. Где-то оступился на русских просторах. А вон и молодой мексиканец прошел, тоже очень важный.

Что этот человек – мексиканец, Семен узнал случайно от соседки Райки, Колькиной жены, которая однажды поведала ему о происхождении смуглого красавца. Она явно завидовала русской супруге этого мексиканского мачо. «Ты глянь, Семен, баба – совсем как бледная моль, смотреть не на что, а мужа-мексиканца себе отхватила!..» – обратила она внимание соседа, когда он входил в подъезд. Было это лет шесть назад. А цепкая память Семена эту информацию задержала и отправила в копилку к прочим наблюдениям. Год назад во дворе появилось негритянское семейство. Метиска-мать – русскоговорящая, с армянским акцентом, волосы густые, черные, завязывает в длинный лошадиный хвост, глаза косят в разные стороны. Поэтому она ни с кем не здоровается. Не может сфокусировать взгляд и никого не узнает. А муж и дети – натуральные негры. Лица шоколадные, глянцевые, глаза озорные, одеты всегда в яркие одежды с Черкизовского рынка. Поселились в подвале. Каким-то чудом заморскому папаше удалось выкупить подвальное помещение, отремонтировать его и раскинуть там свой семейный шатер. По вечерам они не задвигали шторы, и все желающие могли через окно смотреть телесериалы на огромном экране их домашнего кинотеатра.

Прошел сумасшедший из второй квартиры, его путь пересекся с сумасшедшей из соседнего подъезда. Мужик топал в растянутых, обвисших трениках и в зеленой военной рубашке. И это по морозу! В руках он бережно нес что-то маленькое и невидимое. Наверное, на помойке нашел. Он с помойки и одевался, и кормился. А сумасшедшая просеменила с почтовой сумкой на плече. Семен ее как-то встретил на почте. Выходит, не зря эту сумку таскает. Не для понта. Он сам видел, как она опускала газету в почтовый ящик. Она жила у него за стеной и часто ночью сквозь сон он слышал глухие удары у себя над головой. Наверное, соседка была тараканов или клопов. Так Райка ему сказала. По-соседски предупредила, чтобы знал, чего опасаться, если вдруг неприятельская армия попрется через отдушину занимать его квартиру.

– И книги у нее почитать не бери ни в коем разе! – Райка решила проявить заботу о соседе на полную катушку. – А то я как-то взяла, а там между страницами – клоп! Спасибо, что дохлый!

Ее предупреждение удивило Семена дважды. Во-первых, потому, что Райка, оказывается, не только пьет по-черному на пару со своим благоверным, а еще и книги читает. А во-вторых, у почтальонши, с виду совсем дефективной особы, имеется, подите-ка, библиотека. Даже если она состоит из трех книг, все равно вероятность того, что они прочитаны, очень

высока. Ведь рекомендует же она их почитать своей знакомой! Значит, хочет разделить свои впечатления с близкими людьми.

Пусть не клопы, но один таракан от соседки как-то все-таки просочился. Семен вовремя увидел его и без сожаления пристукнул. Наверное, это был разведчик. Остальные испугались и больше не совались. Это тоже как-то утешало. Семен однажды прочитал, что тысяча взрослых тараканов съедает за год около десяти килограммов пищевых продуктов. А пойдя их сосчитать, если они гнездятся в самых недоступных местах! К счастью, убедиться в этом у него случая не представлялось. Но однажды из разговора двух своих приятельниц, которые обсуждали проблему размена квартиры, он услышал совершенно дикую историю. Якобы одна из них пришла по объявлению к старушке и видела, как вся стена у нее на кухне была облеплена тараканами. В стене проходила труба с горячей водой и тараканы устроили на этом месте массовое лежбище – тараканью колонию. Семен очень сомневался в достоверности этой истории. Но картина представлялась столь яркой, что вполне тянула на сюжет для фильма ужасов.

А это еще кто такие? Похоже, новые соседи. Опять из дальних стран, да много-то их как! Веселой неторопливой гурьбой прошли четверо китайцев и остановились у подъезда дома напротив. Оказалось, поджидали остальных. Следом подтянулись еще пятеро. Мать честная, где же они там помещаются? Кто же приютил эту небольшую китайскую деревеньку? Пока Семен размышлял над восточной загадкой, они уже дружно втиснулись в подъезд, и вскоре их десант высыпал на балкон второго этажа, с любопытством оглядывая окрестности. Видимо, уютный дворик с вековыми деревьями им понравился. Они радостно погалдели и скрылись за дверью.

Семен поселился в своей квартире шесть лет назад, когда на домашнем совете они решили, что бабушка уже нуждается в постоянной помощи, а ездить к ней каждый день очень хлопотно. Проще произвести родственный обмен. Тогда мама будет ухаживать за бабушкой в собственной квартире, а Семен переселится в бабушкину. Таким образом решатся сразу две проблемы. И бабушка будет под приглядом, и внук наконец обзаведется отдельным жильем. У старшего брата, Александра, на то время уже была своя квартира. Все остались довольны, хотя переселение очень смахивало на светопредставление. Бабушка стойко боролась за сохранение каждой памятной ей тряпочки или пожелтевшей от времени бумажки. Целый узел потрепанных старинных кружев просто прижала к груди и не выпускала, пока ее вместе с ним не посадили в кресло в ее новом местопребывании. К слову сказать, комнату ей выделили самую светлую, с окнами на восток. Бабушка любила просыпаться вместе с первыми солнечными лучами, поэтому на окнах у нее никогда не было плотных штор, а только легкий тюль. Когда в ее квартиру переехал Семен, на второй же день он повесил на окна плотные шторы. Как-то неуютно было жить под наблюдением всего двора – комната была темновата и приходилось рано включать свет. А соседи оказались любопытными, могли запросто остановиться под окнами и завороченно наблюдать чужую жизнь. Вместо кино и цирка. Естественно, ему в наследство от бабушки вместе с квартирой достались и все соседи. Этаким солидным довеском. Поскольку бабушка прожила в этом доме лет пятьдесят, всех знала, и к ней относились с большим уважением. Во всяком случае, соседи частенько обращались к ней за советом. И она, важно восседавая в мягком кресле, как на королевском троне, выносила свое решение – в основном ей приходилось примирять враждующие стороны. Как-то ей это удавалось делать без особых усилий. Выслушав обе стороны, она оглашала свой вердикт, медленно поднимая руку, будто собиралась благословить очередного жалобщика. На нее же смотрели зачарованно. Если Семену удавалось присутствовать на таком высочайшем приеме, то заключительная сцена приводила его в священный трепет. Бабушка напоминала ему английскую королеву.

К Семену, слава богу, соседи захаживали не так часто, разве что перехватить денег за займы или оставить ключи для забывчивых членов семьи. И все свои представления о дворовой жизни он в полной мере получал, сидя за письменным столом и глядя в окно. Семен

никому бы не признался, что он обожает подглядывать. Он не считал это дурной привычкой, ведь писатель должен быть человеком наблюдательным и любопытным. И эта природная любознательность не раз сослужила ему добрую службу. Многие его герои были не придуманы, а взяты из реальной жизни. И когда он создавал очередной образ, наблюдая человека или в толпе, или увидев его в окне своего кабинета, герой сам вел его за собой по сюжету, иногда удивляя неожиданными поступками. Но Семен не давал ему особо своевольничать. Он любил повелевать людьми, и поскольку в жизни это было не так-то просто, мало кто поддавался, Семен осуществлял свои стремления, повелевая героями в книгах. Иногда немного отпускал поводок и только корректировал их поступки, но все же особо разгуляться не давал. И вот сейчас он впервые допустил промашку – отпустил свою героиню в самостоятельное плавание, а когда опомнился, было слишком поздно. Она полностью вышла из-под контроля, и управлять ее поступками никак не удавалось. В реальной жизни он любил управлять женщинами. Оказывается, и придуманной героине нельзя было давать волю.

Самостоятельная жизнь героини его последней книги не заладилась с самого начала. А потом и вовсе пошла наперекосяк. Семен Лодкин так был расстроен первой за многие годы неудачей, что задумывался, не расторгнуть ли контракт с издательством, где ждали его книгу. Но как человек прагматичный он отгонял эту порочную мысль, не давая ей взять верх над здравым смыслом. А смысл своей литературной деятельности он видел, прежде всего, в коммерческом успехе, а затем уже в читательском признании. Хотя, положив руку на сердце, конечно, шумиха вокруг его творений очень радовала Семена. Когда его вторую книгу критики признали «книгой года», Семена охватило ликование. Он чувствовал себя чуть ли не первооткрывателем в современной отечественной литературе. На Западе давно уже существовало такое понятие, как «книга года». А теперь и в России оно появилось, более того, он первый удостоился стать автором такого бестселлера. С появлением третьей книги критики заговорили о стиле, который выгодно отличал Семена Лодкина от других молодых писателей. Наконец-то фаворитом в современной литературе стал мужчина. До сих пор на слуху были только женские имена, которые взлетали на литературный небосклон в ошеломляющем количестве. Это не очень удивляло Семена – девчонки со школьной скамьи писали сочинения лучше, чем ребята, их воображение от природы ярче и богаче. Но то, что происходило в последние годы в книгоиздательском деле, уже не огорчало, а раздражало и вызывало не зависть, а протест.

«Доколе? Доколе эти воздушные создания, которые из вчерашних девчонок с жиденькими косичками легко превратились в деловых и цепких дам, будут оккупировать литературную ниву? Не пора ли мужчинам перехватить пальму первенства? Ведь еще совсем недавно не так уж часто появлялись женские имена, которые привлекали бы внимание читателей. Их вообще, этих писательниц, можно было пересчитать по пальцам одной руки. А теперь на них ни рук, ни ног не хватало. «Это уже никакая не эмансипация, это уже настоящая экспансия!» – думал Семен возмущенно, когда работал над первой книгой. И тогда же поставил перед собой цель – добиться успеха во что бы то ни стало. Он уже тогда знал, о ком будет писать. Никаких пошлых убийств, никаких детективных расследований, киллеров и ментовок – вся современная литература наводнена этими набившими оскомину сюжетами. Он станет писать об успешных молодых москвичах, о современниках, о тех, кого знает. Пускай его читатели узнают в его героях себя, своих знакомых. Им интересно будет читать о близких проблемах, об их преодолении и решении. Книги будут занимательными, жизнеутверждающими, веселыми, чтобы их было легко и приятно читать, примеряя ситуации на себя. Чтобы пессимисты и неудачники на примере его удачливых героев надеялись и верили, что выход всегда есть. И успеха может добиться каждый. Вот с таким кредо вышел на авансцену молодой писатель Лодкин. И таким его приняли с распростертыми объятиями тысячи читателей. Сказки любят читать не только дети, но и взрослые, тем более, если эта сказка о знакомой им жизни, у нее счастливый конец, призывающий не оглядываться назад, на неудачи, а смотреть вперед – где всех ждет успех.

В юные годы, будучи студентом журфака, Семен твердо усвоил главное правило журналистики – следовать факту. Но его величество факт связывал по рукам и ногам, совершенно не давал развернуться воображению. А тех, кто пренебрегал этим железным правилом и давал волю творческой фантазии, на семинарах и занятиях по творческому мастерству сильно били. Поскольку фантазия у Лодкина была развита чрезмерно и он не в силах был с ней справиться, в конце концов юный журналист перестал сопротивляться ее полету. Но природная смекалка не подвела его и на сей раз. Ему удавалось водить за нос не только всю группу, но и преподавателей. И плоды собственного воображения выдавать за непреложный жизненный факт.

Семен с удовольствием вспомнил свой первый опыт, когда удалось ввести в заблуждение однокурсников, а преподаватель не заметил невинную ложь Семена и объявил его статью лучшей на курсе. Тогда совсем еще неопытный, но вполне сексуально грамотный первокурсник Лодкин выбрал для работы довольно рискованную тему – о ранних абортах и раннем материнстве. Какие-то робкие попытки затронуть эту острую социальную тему на страницах прессы уже появлялись. Но главное все еще находилось «за кадром», в подтексте. Семен был общительным парнем, имел много знакомых в разных слоях общества. Ему одинаково интересно было общаться и с сыном вулканолога Сашкой Долгопятовым, и дочерью дворничихи Гульнарой. По вечерам они собирались на дворовой спортплощадке побросать баскетбольный мячик и пообщаться на разнообразные темы. Как-то Гульнара, еще когда они учились в девятом классе, округлив глаза и перейдя на шепот, рассказала невероятную историю об однокласснице Любаше, которая, оказывается, того гляди родит! Ребята обалдели и сначала не поверили ей. Любаша Сухова была лучшей подругой Гульнары и иногда приходила на спортплощадку посмотреть, как ребята, пыхтя и потея, отнимают друг у друга мяч и носятся с ним под щитами, поднимая тучи пыли. Она была девочкой тихой и скромной и в такие «сумасшедшие» игры не играла. Ее можно было представить только с куклой на руках. В ее-то четырнадцать лет. Она была ко всему прочему и самая младшая в классе. Просто ее мама, отдавая в школу сына Антошу, уговорила директора принять заодно и младшую дочь, которой только что минуло шесть лет. В то время Анна Сухова работала уборщицей в школе, поэтому директор и согласился на явное нарушение. Он принадлежал к тому типу руководителей, которые радели за своих сотрудников, невзирая на их должность. И вот, оказывается, эта инфантильная тихая девочка, которая уже давненько не появлялась на площадке, а в школе сидела, кутаясь в материнскую кофту, ждет ребенка! Ребята бурно обсуждали невероятную новость, с трудом представляя свою Дюймовочку с младенцем на руках. Больше всего их интересовало, кто отец будущего ребенка и как примерная Любаша умудрилась влипнуть в такую историю. Гульнара под большим секретом поведала компании, что у Любаши был парень, «совсем уже старый, ему двадцать лет». И Любаша с ним встречалась втайне от всех. Втайне именно по причине его взрослости. Как все это с ней произошло, она так и не призналась даже лучшей подруге. И ей долго удавалось скрывать свой «грех» и от мамы, и от учителей. А одноклассники и подавно ничего не замечали, пока однажды учительница математики, вызвав ее к доске, велела девочке сбросить ее «хламиду», мол, в школу нужно одеваться аккуратно. Заливаясь алым румянцем, со слезами на глазах, Люба вынуждена была подчиниться. И тут взору учительницы открылось сильно округлившееся пузико худенькой, с темными кругами под глазами, измученной страшной тайной девочки. Мать, вопреки всеобщим ожиданиям, дочь не убила и из дому не выгнала. Просто забрала из школы. Девочку педсовет не допустил к выпускным экзаменам, до которых оставалось всего ничего – наступили последние деньки мая.

Эта история потрясла друзей, ее долго обсуждали, случай был из рук вон выходящий. С тех пор прошло два года, и, выбирая тему курсовой работы, Семен вспомнил Любашу. Он, недолго думая, вообразил себя Любашей, которая влюбилась в двадцатилетнего наркомана и теперь ждет от него ребенка. Ему удалось так живо описать ее переживания, сомнения, страх перед разоблачением, перевоплотившись в несчастную девушку, что, когда однокурс-

ники обсуждали его статью с присущей молодости страстью и пылом, то обращались к нему с вопросами, подразумевая его «интересное положение». Семен едва сдерживался от распирающего его хохота, когда однокурсница Таня с серьезным видом спросила: «А ты не боялся, что у тебя еще организм не готов к родам?» Все так увлеклись темой, что не заметили несоответствия между образом Любаши и самим автором. А когда преподаватель, маститый журналист Владимир Ошанин, подводя итоги обсуждения, подчеркнул, что Лодкин затронул острую социальную проблему, которая всерьез волнует общество, Семен понял, что попал в точку. Однокурсники пытались решить, что больше на пользу государству – ранние аборт или раннее материнство. К общему выводу так и не пришли, только перессорились. Ребята считали, что раннее материнство ни к чему, одни хлопоты. И юной маме, и обществу. Аборт решает все проблемы. Девушки ополчились против ребят, обозвав их эгоистами и обвинив в жестокосердии. Хотя и соглашались, что раннее материнство не приносит пользы никому. И во всем, естественно, виноваты мужчины. Если бы не их эгоизм, девушки жили бы припеваючи и рожали только тогда, когда хотели. А так – когда придется. И все из-за того, что о планировании семьи даже не приходится заикаться. Поскольку мужчинам подавай подтверждение любви, когда им это взбредет в голову. С тех пор Семен усвоил, что девушек ни в коем случае нельзя обижать. И раз все зависит от мужчины, он не только примет это к сведению, но и возьмет это на вооружение. И теперь, спустя годы, он мог с гордостью сказать, что ни одна женщина не пострадала от его эгоизма. Во всяком случае, его ни разу не пугали неожиданной перспективой стать отцом младенца Лодкина.

Потом, уже на втором курсе, очередной случай убедил его в том, что он может включить свое воображение и легко достичь нужных результатов. Студентам дали задание написать репортаж – выбор тем был не ограничен. Кто-то взялся за спортивную тему, кто-то решил написать о ДТП, кто-то отправился на выставку. Семен, который уже давно понял, что журналистика – это сплошная беготня, добывание и проверка фактов, а ко всем этим хлопотам еще и отсутствие собственного мнения во имя факта, решил пойти своим путем. Порывшись в телефонной книжке, он отыскал телефон случайного знакомого – молодого участкового милиционера, с которым однажды выпивал в компании друзей.

Алексей, так звали участкового, вспомнил его сразу и согласился ответить на все вопросы. Правда, сначала поинтересовался, зачем. И когда услышал, что его консультация нужна для статьи, воодушевился. Как интеллигент в первом поколении, он очень уважал печатное слово. Семен засыпал его вопросами и получил исчерпывающую информацию. Посидел пару часов над стопкой чистых листов бумаги, представляя себя в патрульной машине, которая в глухую ночь объезжает его микрорайон. Воображение нарисовало ему много подвигов, ежедневно совершаемых доблестной милицией. Он успел вовремя предотвратить ограбление прохожего группой подростков, спасти от серийного насильника припозднившуюся девушку, спугнуть обкурившихся наркоманов, попытавшихся взломать замок в двери магазина. Успел увидеть яркие звезды в темном небе, тонкий серп бледного месяца, зависшего над безмятежно спящим городом. Вдохнуть запах свежеевыпавшего снега, покрывшего мокрый асфальт. Он успел промерзнуть в холодной машине, потому что в ней не работала печка, и едва не врезался на повороте в бордюр, потому что глаза слипались от бессонной ночи. Эффект присутствия был создан мастерски, со знанием дела, преподаватель не заметил подлога, и работу приняли. С тех пор Семен понял, что человеку с таким воображением, какое было у него, ни к чему заниматься ерундой. Вполне достаточно жизненных впечатлений, совсем необязательно собственных. На свете много людей, у которых жизнь пестрит яркими событиями. Или они умеют видеть ее такой – яркой, интересной, насыщенной. Надо только уметь слушать и видеть. И представить человека, который годится на роль героя. А уж он поведет его по сюжету, который можно направлять как угодно, манипулируя событиями и людьми.

Семен слышал от знакомых журналистов, что есть пути и полегче. Например, можно воспользоваться каким-нибудь популярным мексиканским или бразильским сериалом и действие перенести на родную почву, снабдив ее узнаваемыми реалиями. Или и вовсе договориться с переводчиком, чтобы он наговорил на диктофон содержание нового популярного европейского романа, который у нас еще не издавался. А потом на его основе соорудить занимательный сюжет. Опять же приблизив его к родным реалиям, ввернув узнаваемых героев из малознакомой для современного читателя среды бизнесменов. Но чтобы главный герой был и образован, и успешен, и непременно влюблен. Любовная линия должна быть со своей интригой – не всегда счастливая, но обязательно созидательная. Чтобы герой готов был горы перевернуть, пытаясь завоевать любимую.

Семен отвергал легкие пути, занимательных историй на его долю хватало. Книги он писал не сказать чтобы пустые и, как он самокритично признавался сам себе, не совсем кретинские. Во всяком случае, они пользовались у читателей успехом.

Неожиданный телефонный звонок заставил его вздрогнуть. Звонил менеджер из автосервиса. Наконец-то на его новеньком «Ниссане» установили новейшую противоугонную систему. Целых три дня ждал. А обещали управиться за день. Но он не стал качать права, просто поленился. Сделали – и слава богу.

Зато теперь есть повод вырваться из дому. А потом махнуть к брату, похвастаться новой машиной. Тот ее еще не видел. Семен хотел показать машину во всей красе, в том числе и продемонстрировать новейшую противоугонную систему.

Глава 2

С протянутой рукой

Семен немного понервничал, плутая переулками Замоскворечья, но наконец въехал в Лаврушинский переулок.

– Понавесили, черт побери, «кирпичей» где попало! – ворчал он с раздражением.

Хотя чего тут удивляться? В центре без проблем теперь не проедешь. Вечно какие-то неприятные новости, наверное, чтобы автовладельцу жизнь медом не казалась. Но все-таки он прорвался и сквозь знакомую арку въехал в аккуратный дворик. Площадка перед входом в клинику была выложена стильным сероватым гранитом, хотя весь остальной двор был залит обычным асфальтом. Семен припарковался на свободном месте. Клиника занимала первые этажи двух соседних подъездов. Шестизэтажный дом с вычурной лепниной и так был украшением небольшого переулочка, а теперь, когда в нем разместилась известная в Москве клиника, двор тоже был приведен в порядок. Летом на клумбах буйно распускались неведомые Семену цветы, а зимой у входа ставили две украшенные новогодними шарами елочки в симпатичных кадочках. И никто шары пока не растаскал. Люди в доме жили, видимо, приличные.

Черный «Ниссан» сверкал на солнце так, что глаз радовался. Семен повеселел, окинул его довольным взглядом – еще не успел налюбоваться, и поставил на сигнализацию. Охранник знал в лицо брата владельца клиники и почтительно поздоровался. Во дворе уже стояло несколько иномарок. Значит, прием идет полным ходом и можно только радоваться наплыву клиентов. Дела у предприимчивого братца идут хорошо. Ну что ж, должна же мама гордиться, что воспитала хоть одного ответственного сына – Александра. Он владеет сетью клиник, у него имя, клиенты его обожают, доверяют ему свои тайны и мечты, да еще и рекомендуют таким же помешанным на своем будущем подругам и друзьям.

Семен ехидно ухмыльнулся. Сашка всегда был с чуднишкой, вечно толковал о каких-то заумных материях. Он с детства помнил рассказы брата о белой и черной магии, об экстрасенсорных способностях человека, о гороскопах, о чудесах йогов и отшельников, о тайнах славянских колдунов и пророчиц, ирландских друидах, африканских вуду, индийских махатм и еще бог знает каких вещунах и целителях. Мало того, Сашка усиленно занимался всякими чудодейственными практиками, ездил в какие-то таинственные экспедиции, привозил оттуда всяческие амулеты, обереги, настои, едкие зелья и душистые благовония. Одновременно со всем этим он ухитрился окончить медицинский институт, получить диплом врача и со временем основать свою собственную клинику. А в недрах клиники оборудовал некую «пещеру», как называл ее Семен. Сам Сашка, правда, предпочитал называть ее лабораторией сверхъестественных и паранормальных способностей человека.

А потом Сашка объявил себя мощным экстрасенсом, человеком, способным выправлять карму других людей, предсказывать их будущее, наделять их живительной энергией – то ли праной, то ли сомой. Семен вечно путался в этих терминах. Самое интересное, что брат и вправду обладал всякими такими способностями. Во всяком случае, он одержал триумфальную победу в телевизионной «Битве экстрасенсов», после чего, собственно, и пришла к нему слава. К тому же он «выправил карму» нескольких известных клиентов из светской тусовки, удачно предсказал будущее еще нескольким людям, помог раскрыть пару-тройку загадочных преступлений.

Семен, хоть поначалу и сомневался в Сашкиных способностях, а потом все-таки решил, что-то в этом есть. И хотя он не упускал случая подколоть Сашку, особенно когда тот надевал малиновую накидку мага, но втайне даже побаивался его. Он ни разу не обращался к брату

как клиент, хотя иногда жизненные обстоятельства складывались так, что попросить брата о помощи очень хотелось.

Он не устал удивляться цепкой деловой хватке брата. Мало того, что создал себе имя и к нему ломились страждущие, очередь чуть ли не на месяц вперед, но кроме этого он ухитрился создать крепкую, вполне нормальную клинику широкого профиля с косметическим уклоном. Продумал грамотный интерьер, подобрал толковых врачей, закупил дорогое оборудование, вышколил персонал – и вот, пожалуйста, от пациентов отбою нет. Вот ведь как ухитрился соединить под одной крышей, под одной вывеской оккультное и научное.

Правда, кое-что Семен от деятельности Сашки имел. Из рассказов брата он, например, знал, на какие ухищрения пускаются некоторые дамы, чтобы в свои зрелые пятьдесят выглядеть на тридцать, а тридцатипятилетние буквально жаждали почти не отличаться от их пятнадцатилетних дочерей. А какие тайны подсознания открывались в Сашкиной «пещере»: и подавленные страхи, и постыдные вожделения, и алчность, и страсть, и боязнь болезни и смерти, и желание отомстить, врагу, что понятно, а ближнему своему за его удачливость и успех... Тут и Достоевский был бы в шоке. Имен брат никогда не называл, но его рассказы были такими яркими и запоминающимися, что Семен иногда использовал в своих книгах особо колоритные моменты и интересные сюжеты. Но при этом приходилось соблюдать строжайшую осторожность, слишком не увлекаться, чтобы какая-нибудь пациентка доктора Лодкина не разобиделась, если ей покажется, что героиня книги писателя Лодкина как-то уж очень сильно смахивает на нее.

Семен вошел в клинику, охранник в холле поздоровался с ним, как с добрым знакомым. Регистратор Лилия Сергеевна приветливо улыбнулась и помахала ему рукой. Он послал ей воздушный поцелуй, она довольно рассмеялась. Семен порадовался, что так легко поднимает настроение женщинам. Пробегая мимо в накрахмаленном шуршащем халатике медсестричка Галочка лучезарно улыбнулась и скрылась за дверью с табличкой «Перевязочная». На Семена пахло дорогими духами. Медперсонал клиники явно не бедствовал под крылом его успешного брата.

Он постучал в дверь, табличка на которой гласила, что Александр Лодкин является главврачом этого элитного медицинского учреждения. Брат сидел за столом на краешке стула. По всему было видно, что он присел на минутку и сейчас сорвется с места и умчится, пытаясь, по своему обыкновению, успеть всюду, где его ждут. На этот раз он был в обычном деловом костюме при галстуке. Малиновое облачение он надевал только в своем «оккультном» кабинете. Правда, на кабинет это помещение совсем не походило, скорее все же на пещеру, затерянную в горном массиве, наполненную зеркалами, мерцающую огнями и окуренную дурманящими благовониями. В пещере Семен бывал несколько раз – и то мельком, брат не любил допускать туда посторонних.

Александр Лодкин поднял глаза на брата, озабоченно поздоровался и поинтересовался:

– По делу? Или потрепаться?

– Вообще-то, я тебе брат родной, – с обидой напомнил ему Семен. – Мог бы и мне уделить толику своего драгоценного времени.

– Извини, дружище, я в таком цейтноте, впору клонировать себя этак в двенадцати экземплярах, – улыбнулся Александр и, встав со стула, заключил брата в крепкие объятия. – Мы ж недавно виделись. Всего две недели назад. Целых два дня вместе были! – напомнил он брату.

Действительно, две недели назад они встречали Новый год всем семейством в загородном доме Александра в Чивирево. Семен любил бывать в «родовом гнезде», как велел называть свой особняк старший брат. Дом был построен всего два года назад и воплощал все мечты Александра. И просторную застекленную террасу, и огромную гостиную на весь первый этаж, и четыре спальни на втором (и при каждой спальне личную душевую). Для удобства бабушки ее спальня находилась на первом этаже и, по общему мнению, была самой уютной комнатой.

Бабушка позволила себе покапризничать и велела комнатку устроить в восточном стиле. Как теперь понимал Семен, она не могла забыть своего «принца Чжоу».

Александр с ног сбился в поисках мебели, «чтобы обязательно была с китайскими штучками».

Резную ширму со стеклянными витражами он раздобыл на ВВЦ в огромном павильоне «Космос», где ныне торговали рассадой и саженцами. Туда же приболудилась небольшая лавчонка, где молодая китайка торговала китайскими вазами и мебелью. Мебель была в одном экземпляре и состояла из роскошной ширмы, на которую заглядывались все без исключения покупатели. Но когда их взгляд падал на цену, полюбовавшись на райских птиц с длинными хвостами и в ярком оперении, они разочарованно вздыхали и уходили. У здешних покупателей больших денег не водилось. Павильон «Космос» славился своей дешевизной среди дачников. Александр туда заскочил неслучайно. Буквально накануне одна из его пациенток, когда на нее начал действовать наркоз, в состоянии эйфории вдруг оживленно заговорила о китайских вазах и чудной ширме. Видимо, это было ее последнее сильное впечатление перед операцией. Ко всему прочему она еще и размышляла вслух, стоит ли отваливать за нее тысячу долларов. Тем более что ей эта ширма как бы и ни к чему. Не вписывалась в интерьер ее квартиры. Дама закончила свою краткую и вполне связную речь и отключилась. А Александр на следующий же день отправился на ВВЦ и, едва взглянув на это чудо, тут же выложил деньги ошалевшей от счастья китайке. Не торгуясь. Похоже, та уже и не чаяла ее продать. Черный лак ширмы слегка поседел от пыли. Все-таки цены на семена и китайскую расписную ширму несопоставимы... Воодушевленный удачей, Сашка помчался на Ленинский проспект в дорогой бутик под броским названием «Колониальная мебель» и не мудрствуя лукаво закупил все, что посчитал необходимым для приятного пребывания бабушки в его доме. Старушка несильно разбиралась в восточных тонкостях. Так что малайзийская мебель из темного дерева с «китайскими» штучками ей понравилась, от ширмы она пришла в полный восторг. Словом, она была полностью удовлетворена, всячески обласкала Александра и назвала его «самым заботливым внуком за всю историю человечества».

– Надо же, всего две недели прошло! – удивился Семен. – А мне кажется, мы уже с месяцем не виделись.

– Потому что ты баклуши бьешь. Был бы делом занят, дни пролетали бы с космической скоростью. Как у меня. Представляешь, вместо того чтобы операциями заниматься, мне приходится еще и кучу организационных дел решать! То налоговая в конце года насела, едва расквитался. То СЭС совсем озверела, уж не знают к чему придраться. И это утряс, слава богу. Так теперь пациентка на нас в суд надумала заявлять. Ей, видите ли, новые веки не нравятся. Видел бы ты прежние ее веки! Страх и ужас! Ей, по-моему, у психиатра надо лечиться, а не к пластическому хирургу обращаться... С утра запрягаюсь, за день половину запланированных дел не успеваю завершить, а уже и ночь. – Он взглянул в окно: – Вот, скоро опять темнеть начнет. А ведь еще и двух нет. А сколько еще нужно успеть!

– Я баклуши не бью, – с достоинством парировал Семен, терпеливо выслушав жалобы брата. – Я коплю впечатления. У меня творческий процесс, который выходит за рамки временных категорий. То есть он у меня постоянный.

– Ну, загнул! – с уважением взглянул на него брат. – Творческий процесс... Ладно, давай скоренько, чего надо?

– Только не ругайся, – предупредил Александра младший брат. И приступил к главному: – У меня тут героиня приболела, да так серьезно, что я в полной растерянности. Представляешь, у нее рак груди!

– Тыфу на тебя! За что ты ее так? Знаешь, дорогой, ты эти штучки брось. С онкологией не шутят. Мы тут люди суеверные, так что выбери что-нибудь попроще. Пускай лучше у нее будет гнойный аппендицит. Это хоть и серьезно, но операбельно.

– Да нет, ты не понял, она от переживаний заболела. Несчастливая любовь и все такое. От переживаний аппендицит не беспокоит.

– Ну, хорошо, может, тут ты и прав. Действительно, есть такое мнение, что, допустим, онкологические заболевания возникают и на нервной почве, – сразу сел на своего конька Александр. – Правда, это всего лишь мнение, статистическими данными оно не подтверждено.

Семен, воодушевленный поддержкой врача, продолжил:

– Она в маленьком городке живет, где все на виду друг у друга. К врачу обращаться боится – все сразу узнают, сплетничать начнут. Ее и так осуждают, что столько лет влюблена и верна одному мужику, а он на нее ноль внимания. – Семен рассказывал о своей героине, как о живом человеке – с сочувствием и беспокойством. – Ну, так по сюжету надо. Ты мне не можешь дать чью-нибудь историю болезни: с анамнезом, лечением и прочей медицинской дребеденью? Я же должен досконально владеть темой, чтобы соблюсти достоверность.

– Семка, ты соображаешь, что говоришь? Хотя ты у нас и писатель, твоя журналистская бесцеремонность так и прет из тебя. Это ж надо – историю болезни просить! Между прочим, это категорически запрещено. Я не хочу неприятностей на свою голову. Даже и не думай... Все, ни секунды больше не могу тебе посвятить. Срочно убегаю. А ты пока посиди, придумай что-нибудь попроще для своей болезной. Ну, лишай или пяточную шпору, на худой конец. А я вернусь, и создадим полную клиническую картину ее хворобы.

– Она молодая и красивая, – хмуро заметил Семен. – И ноги у нее длинные и стройные. Какой лишай? Или, тем более, пяточная шпора? У нее походка легкая и изящная. Богиня...

– Тогда советую бородавку. Пускай она пойдет провериться к доктору. Ее якобы мучает – обычная это бородавка или первый звоночек? Опасается – злокачественная опухоль. Тут тебе и онкологическая тема, раз ты ею так дорожишь, хотя, по-моему, зря. И если твоя богиня такая красивая, пускай у нее эта бородавка на стопе растет. Чтобы никто не видел. Только не засандали ее на пальчики ног. Некоторые мужчины очень даже любят пальчики ног целовать у любимых, – сказал он со знанием дела. – А тут бородавка... – передернуло его от неэстетического образа, самим же им на ходу придуманного. – Ладно, бегу...

– А куда ты? – наконец поинтересовался Семен, устыдившись своего эгоистического интереса, который привел его нынче к брату. Желания показать новую машину и повидать братца были всего лишь отмазкой, чтобы оправдать себя в своих глазах. На самом деле он приехал с вполне определенной целью – просить помощи у брата как у личного консультанта по медицинской части.

– У меня по вторникам, между прочим, операционные дни. Мог бы и запомнить за эти годы. А еще брат называется, – укоризненно взглянул на него Александр. – И мне еще надо в мою, как ты говоришь, пещеру заглянуть, кое-что взять...

– Я с тобой пойду, подожду тебя там, – попросил Семен. – Хотя атмосферой пропитаюсь. А то обидно просто так уходить. Пришел к тебе с протянутой рукой, как нищий на паперти, помощи просить. А тут полный отлуп...

– Хорошо, – чуть поколебавшись, согласился брат, – я тебе потом такого порасскажу, у тебя получится не роман, а диссертация...

Они прошли по коридору, поднялись по узкой лестнице вверх и оказались на тесной площадке перед единственной дверью. Сашка открыл ключом эту массивную дверь, обитую малиновой кожей с тисненым загадочным узором из каких-то непонятных символов, не то древних рунических символов, не то стилизованных знаков Зодиака. За дверью находилась небольшая приемная, почему-то со сводчатым потолком и с большим темным зеркалом в углу. Семен увидел свое отражение. При малейшем движении оно начинало вытягиваться, сжиматься, даже двоиться, руки напоминали какие-то щупальца, а голова то становилась круглой,

как шар, то прямоугольной, словно куб. «Чертовщина какая-то...» – передернуло Семена. Это зеркало он уже видел не первый раз, но никак не мог привыкнуть к нему.

Посреди приемной стоял небольшой круглый стол, покрытый малиновой скатертью все с тем же загадочным узором. За ним обычно величественно восседала ассистентка Саши – томная восточная красавица Софья. На время приема клиентов она тоже облачалась в малиновую хламиду, расшитую знаками Зодиака и загадочно мерцающую блестками. Иногда даже надевала бархатную полумаску. В задачу Софьи входила подготовка клиента ко встрече с самим Великим и Ужасным Экстрасенсом. Она должна была вызвать у и без того волнующегося человека состояние священного трепета.

Но сегодня был неприятный день, и Софьи на месте не было.

– Входи, – брат открыл дверь «пещеры» и щелкнул выключателем.

При электрическом освещении, без тревожного мерцания свечей и дыма благовоний это святилище выглядело не так таинственно и гнетуще, скорее как рабочий кабинет врача-психотерапевта. Обычный стол, правда, тоже застланный малиновой скатертью и уставленный всякими причудливыми фигурками не то богов, не то демонов. Вон даже папки, сильно напоминающие истории болезней, аккуратно лежат в стеклянном шкафу. Сашка действительно делал подробные записи своих бесед с клиентами, отмечал особенности их психотипа, черты характера, комплексы, подавленные желания, складывал туда и обычные медицинские анализы пациентов...

Этими записями он очень дорожил, не то что внешней атрибутикой «пещеры».

– Мне это, как ты понимаешь, совершенно не нужно – все эти одеяния, узоры, курительные палочки, свечи... Но на клиентов действует. В такой атмосфере им легче раскрыться и мне легче войти в их состояние, поймать волну. Ну, ты понимаешь...

Семен, по правде говоря, ничего не понимал, но невольно проникался уважением к Сашкиным способностям. Все-таки он что-то действительно умеет, иначе не было бы потока клиентов. Да и в «Битве экстрасенсов» он тоже выступил блистательно. Может, там кое-что было подстроено для пущего эффекта, все-таки зрители ждут захватывающего шоу и телевизионщики идут на все, чтобы сделать соответствующую «картинку». Но и правда там тоже была. Еще он отметил, по писательской привычке, что посетителей «пещеры» Сашка называет не пациентами, а клиентами.

– Садись, я сейчас, – брат кивнул на резное кресло, стоявшее у стола, и сосредоточенно принялся рыться в бумагах.

Семен устроился в кресле и расслабился. В кабинете густо пахло какими-то благовониями и почему-то хвоей. Может, из-за этого запаха он вспомнил недавнюю новогоднюю ночь. Тогда, всего две недели назад, он переживал творческий подъем, так что встречал семейный праздник с чистой совестью. Мама наготовила много вкусностей, Сашка припас целый ящик алкоголя. Признался – несколько месяцев копил, сам ни-ни. Семен сразу догадался, что это подношения благодарных клиентов. Как всегда, пошутил над братом, тот беззлобно огрызнулся.

– Завидуешь, потому что тебе твои читатели не привозят из разных стран такие божественные напитки! Подозреваю, что они еще и очень дорогие. Одни бутылки чего стоят! – поднял он к свету золотистую бутылку с красным бантиком на горлышке.

– А я своих читателей люблю бескорыстно! – парировал Семен.

– Я бы и сам своих пациентов любил бескорыстно, если бы лекарства да инструменты бесплатными были. Да чтобы еще медперсонал не просил зарплату. Да и самому не хотелось бы чего-нибудь эдакого... Например, возвести такой замечательный дом, в котором не стыдно принимать свою семью! – Он с гордостью окинул взглядом гостиную, которую украшала испанская мебель в стиле ампир.

Мама с бабушкой посмеивались, с любовью поглядывая на своих дорогих мальчиков. Давненько они уже не собирались вот так, только своей семьей. В этот раз сыновья почему-то решили встречать Новый год без подружек, что было немного странно. Братья пользовались успехом у женщин. Да и сами были, как иногда выражалась мама, «ходоками». А тут на тебе – такой праздник, и ни один не привел свою подружку.

– Мальчики, что случилось, где же ваши девушки? – напрямик спросила беспокойная бабушка.

– А мы нынче решили встречать Новый год со своими самыми любимыми женщинами, – уклончиво ответил Саша.

– Смотри, мамочка, наш Сашка уже и льстить научился! – вмешался Семен. – А раньше не умел. Это его пациентки научили!

– Какая же это лесть? – удивилась бабушка. – Мы и есть ваши самые любимые женщины. Девушек бывает много, а мама и бабушка у вас по одной на двоих! Но если серьезно, как глава семьи заявляю – хватит вам беспризорными ходить. Нагулялись уже. Пора и семьями обзаводиться. Я хочу успеть на правнуков поглядеть.

– Действительно, мальчики, нам хочется малюток покачать, побаюкать. Хоть разочек. Больше мы, наверное, не выдержим. Даю вам срок – один год. Сами не найдете себе достойных невест – придется вас сватать. А уж тогда держитесь – кого приведу, того и брать придется!

– Это еще что за новость?! – притворно возмутился Семен. – Знаю, на кого ты метишь, мамочка. Небось хочешь нам подсунуть Лорочку или Наточку! – решил он подшутить над маминым рвением, которое она проявляла в поисках невест, и назвал имена дочерей маминой подруги Тамары Львовны. Девицам перевалило за двадцать пять, они были, как говорят ныне, «безбашенные», сварливые, затевали ссоры по любому поводу. И собственная мать пыталась поскорее их сбегать замуж, чтобы наконец в доме наступил покой.

– Да боже упаси! – воскликнула мама. – Что же я буду своим сыновьям советовать кого поплоше?! Уж не волнуйтесь, я вам таких девочек подберу! У меня несколько бывших учениц подросли, такие девочки культурные, воспитанные, красивые.

– Небось избалованные, – закапризничал Саша, не слишком доверяя маминому выбору.

– Не знаю, – честно призналась мама. – Но английский они учили хорошо. Старательные...

– Отличное знание английского – конечно, сильный аргумент в выборе жены! – Семен не удержался и хихикнул.

После не особо интересующей сыновей темы все дружно решали, куда переставить стол – ближе к камину или все-таки к телевизору. Почему-то очень хотелось послушать обращение президента.

– Да что вы, ребята, прямо как официальные лица! Президента каждый день можно по телевизору лицезреть, – наконец не выдержала бабушка. – Что ж теперь, каждому его слову внимать? Вы для нас президенты! – и решительно отъехала на своей коляске к камину. – Мне надо туда, где тепла побольше. Зябну я, у меня слой жира тонкий.

Тут и наступило время дарить подарки. Бабушке вручили и помогли надеть новозеландский жилет из овечьей шерсти – и она с восторгом стала поглаживать тонкое руно, чувствуя, как оно согревает ее сухонькое старческое тело. Оренбургская пуховая шаль тоже пришлась ей по вкусу. А новые духи окончательно привели в замечательное расположение духа, которое не покидало ее в течение веселого празднования, до тех пор пока она не укатила в свою «светелку» досыпать ночь. Маме вручили дорогой тур по Франции, и она радостно сообщила, что наконец-то навестит своих подруг в Париже. Братьям перепало по свитеру, которые были доставлены прямо из Таллинна. Они со знанием дела пощупали мягкую шерсть, полюбовались на рисунок – традиционных оленей, и тут же в них переоделись.

– Вам бы в таком виде в Альпы, на горный курорт, все девушки вашими будут! Может, там и невест себе подобрали бы, – залюбовалась на высоких, красивых сыновей мама.

– Что-то много мы говорим нынче о невестах! – улыбаясь, заметил Саша.

– Меня не покидают мечты о внуках. – Мама весело посмотрела на удивленных братьев. – Это не просто моя прихоть или каприз. Мы тут с бабушкой поговорили и решили, что внуки все-таки нам нужнее. Будет кому фамильные драгоценности передать. А то не одно поколение копило, и мы в них покрасовались, пора уже передавать следующему.

– Как найдем достойных, сразу женимся, – легкомысленно пообещал Семен. – Коль скоро перед семьей возникла такая проблема.

Александр промолчал, поскольку уже успел побывать в браке дважды, но понял, что свободная жизнь ему намного приятнее. Нельзя сказать, что жены ему доставались неважные, просто стабильные отношения вызывали у него не менее стабильную скуку. Появление детишек, возможно, внесло бы какую-то свежую струю в семейные отношения. Но Александр не решался так кардинально менять свою жизнь. Да и жены, что первая, что вторая, тоже занимались собственной карьерой, считая появление детей помехой в успешном служебном росте.

В ту новогоднюю ночь, подтрунивая друг над другом, радуясь тому, что в кои-то веки опять собрались всей семьей «в центральной усадьбе нашего колхоза», как иногда с юмором называли они Сашин дом, все были счастливы. Вскоре вслед за бабулей отправилась в свою спальню и мама, – ее совсем сморил сон, и она время от времени роняла голову на грудь, вздрагивала, таращила сонные глаза, стараясь поддержать компанию. Братья остались одни, поговорили о своих планах, вполглаза поглядывая на телеэкран.

– Вот вслушайся в слова этой песенки, – Семен поднял палец вверх, призывая брата к вниманию. – Ведь бред сивой кобылы! А как популярна! По всем каналам день и ночь крутят.

– Ты же вроде тоже собирался когда-то сочинять стихи для песен. Уверен, у тебя получилось бы лучше.

– Не только собирался, даже написал несколько. Но те, кому хотелось бы отдать эти стихи, сами балуются рифмой. А кто взял бы с удовольствием – тем не отдам ни за что. Уж больно слабые голоса у этих поп-див, совсем никудышные. Не хочется позориться.

– Как говорит наша продвинутая Лорочка – забей! У тебя хорошо пошли книги, вот и радуйся.лови момент, как говорит сестрица Лорочки – Наточка.

– Ой, не напоминай мне о них к ночи, – расхохотался Семен. – А то живот разболится от смеха, не усну.

Он давно уже завел отдельный раздел в своей заветной тетради, куда записывал перлы этих разудалых сестриц. Не так уж часто он с ними виделся, но вполне было достаточно услышать их рассуждения в пересказах мамы. Она тесно общалась с Тамарой Львовной на почве любви к симфонической музыке. Обе дамы покупали абонементы на концерты в филармонию и регулярно посещали их. После чего мама делилась с Семеном впечатлениями не только о концерте, но и пополняла его «творческую копилку» новыми выражениями девушек. Просто удивительно, откуда у них все это бралось. Все-таки из подросткового возраста давно уже вышли. Семена действительно разбирало любопытство, и однажды он спросил у мамы, а чем же, кстати, занимаются пресловутые сестрички? Выяснилось, как раз тем, что так благоприятствовало обогащению их словарного запаса. Лорочка возила группы тинейджеров на экскурсии по разным городам, а Наточка давала уроки рок-н-ролла в университете. Так что источник супермодных оборотов и словечек стал ясен.

– А если честно, Семка, я рад за тебя, горжусь твоими литературными успехами. Не в первый раз тебе говорю об этом, смотри не загордись. Просто иногда вспоминаю, как мы все с тобой намаялись, пока ты свое дело нашел...

– Ну, ты прямо как папочка, а всего-то на полтора года старше меня, – с иронией ответил Семен.

– Папочка тебе по-другому бы сказал. Помнишь? – в глазах у Сашки замерцала лукавинка, губы сами собой растянулись в улыбке.

– Помню, как же! – подхватил Семен. И немедленно процитировал покойного отца: «Мужчина должен...»

Оба рассмеялись, вспоминая фразу, которой отец пытался внести свою лепту в воспитание сыновей, когда они еще были совсем мальчишками.

Отец был вечно занят на работе. Сколько они помнили – аврал у него следовал за авралом. То он пропадал на бесконечных совещаниях, то вечно решал какие-то сложные производственные проблемы, и видели они его только по воскресеньям. Тогда он спохватывался и вспоминал, что мальчишки растут без сурового мужского воспитания, и призывал сыновей следовать его примеру, требуя от них чего-то большого и несбыточного. Его лозунги «мужчина должен быть...уметь...иметь...» почему-то смешили их. И частенько, когда отец не слышал, они поддразнивали друг друга словами «мужчина должен...» и покатывались со смеху. Воспитанием детей занималась мать. Она в меру баловала их, интуитивно чувствуя, что сыновья растут неплохими ребятами, и поэтому не стоит слишком уж держать их в узде. С отцом братья так никогда и не нашли общий язык, просто не научились с ним общаться. Впрочем, так же, как и он не сумел добиться доверительной близости с сыновьями. Умер он неожиданно, от инфаркта. Братья никогда не видели его старым, поэтому в их памяти он остался сильным, энергичным, крупным мужчиной с массивной головой и жестким взглядом внимательных серых глаз. И теперь, когда братья возмужали, стали взрослыми мужчинами, мать находила все больше внешнего сходства сыновей со своим покойным мужем. Но характерами они очень отличались от отца. Хотя старший, Александр, и получил в наследство от отца неумную энергию, чувство ответственности, любовь к труду, вместе с тем он слыл и дамским угодником, любил украшать свою жизнь приятными дорогими приобретениями и непременно дважды в год ездил отдыхать за границу. Одним словом, любил красивую жизнь. Но на жизнь он зарабатывал честным трудом. Семен еще не достиг такого высокого материального уровня, как брат, однако доходы от книг позволяли ему многое из того, о чем раньше он мог только мечтать.

Семен вынырнул из воспоминаний и прикинул, сколько у него еще осталось времени до возвращения брата. Часа два еще точно в запасе. Он рассеянно перебрал папки, лежащие на столе, – ничего интересного. Его взгляд скользнул по полкам небольшого стеклянного шкафа, остановился на нескольких папочках. По виду – медицинские карты. Семен поерзал на стуле, борясь с желанием похозяйничать, но одновременно помня пожелание-приказ брата вести себя хорошо. Между тем рука сама собой потянулась к полке. Брат не велел «шуровать», совесть тоже не велела. Но очень хотелось! «Ничего плохого я не делаю, – пытался уговорить свою совесть Семен. – Я просто посмотрю, про что там. Если это то, что мне нужно, я только выпишу медицинские термины. Ну, еще немного из истории клиента. Еще чуть-чуть про те установки, которые дает Сашка. И все. Поставлю на место, и никто не узнает...»

Совесть согласилась с таким раскладом – «чуть-чуть», «немного»... А главное, она успокоилась после того, как Семен пообещал себе, что никто об этом не узнает. И он со спокойной совестью снял с полки все папки, их оказалось совсем немного. Нарушитель слова понял, что эти истории принадлежат тем самым нескольким пациенткам, которые требуют длительных экстрасенсорных сеансов, основательного погружения в глубины подсознания, тщательной корректировки ауры и биополей.

Словом, сеансов магии, колдовства и волшебства.

Глава 3

Старший брат

Семен всегда ценил Сашину целеустремленность. Тот и в школе учился лучше него, и в институт, о котором мечтал, поступил с первого раза. Хотя конкурс в медицинский был всегда огромным. Когда пришло время определяться со специальностью, брат и тут проявил большую ответственность. Правда, не без подсказки маминой подруги – той самой Тамары Львовны. Она была известным в Москве гинекологом, многие годы работала в Институте акушерства и гинекологии.

– Саша, я тебе советую выбрать специальность гинеколога-онколога, – посоветовала она студенту, в котором давно разглядела серьезность и основательность. – Это профессия на все времена. И перспективы у нее большие. К сожалению, онкологические заболевания – такая страшная вещь, что те, кто ими болеют, чаще всего умирают. Вылечиваются немногие, так что, может статься, ты однажды будешь первооткрывателем в новом направлении врачевания. Вдруг откроешь метод лечения, благодаря которому спасешь множество жизней? И станешь лауреатом Нобелевской премии! – решила она подзадорить честолюбивого юношу.

Александр не внял ее совету и специализировался на хирурга, точнее, на пластического хирурга. Со своей врожденной интуицией он почувствовал грядущую востребованность подобной врачебной специальности и направил свою неумную энергию именно в это русло. Правда, после окончания института он немного поработал в районной поликлинике, где и речи не было о корректирующих подтяжках, форме носа и качестве силикона, увеличивающего объем бюста. Аппендицит, нагноения, удаление вросшего ногтя, резаные раны, полученные в результате дружеских застолий – словом, монотонная медицинская проза жизни. Нередко приходилось сталкиваться и с онкологическими заболеваниями. И здесь Александр всерьез понял, как трудно добиться положительных результатов в этой области. Тех скудных средств, которые выделялись из госбюджета на лечение или хотя бы поддержание жизни онкологических больных, катастрофически не хватало. А уж на лабораторные исследования и подавно. Какая там Нобелевская премия! С такими деньгами нечего было и думать об исследовательской деятельности. Он принимал больных женщин, с тяжелым сердцем сообщал им о неутешительных результатах анализов и был скорее консультантом, чем действительно лечащим врачом. Очень сильное впечатление произвела на него смерть одной пациентки. Молодая женщина, мать двоих детей, обратилась за помощью слишком поздно. Как-то недосуг ей было обратить внимание на тревожные симптомы.

– Что же вы так долго тянули? – Александр Борисович был очень огорчен результатами ее анализов и уже понял, что спасти женщину не удастся.

– Доктор, я же мать, у меня дети – старшая в седьмом классе, за ней глаз да глаз нужен, младшей всего шесть лет. Я второй раз замужем, муж – художник, ему тоже нужно помогать. На натурщиц денег не хватает, так что приходится позировать ему, иногда на пленэр сопровождать. Мы всего шесть лет женаты, он любит, когда мы вместе на природу выезжаем.

Пациентка, казалось, не вполне понимала, что с ней произошло. Он всматривался в ее лицо – тень тревоги на нем присутствовала, но она искренне верила, что ее болезнь излечима. Ее пышные густые волосы тяжелыми волнами лежали на плечах, большие серые глаза на бледном веснушчатом лице смотрели на него немного виновато. Она поняла только, что врач ею недоволен и огорчен ее легкомыслием. Но он же врач, его работа – лечить больных. А раз так, то чего волноваться? Она готова прямо с сегодняшнего дня принимать таблетки или что там он еще ей назначит.

Через четыре месяца, после нескольких сеансов химиотерапии, она приходила уже коротко стриженной, от ее выющихся волос остались редкие пряди. Худое, изможденное лицо сразу постарело лет на десять. Глаза смотрели с тоской, в них светилась немая мольба. Она прожила еще пять месяцев. И он сумел сделать для нее только одно – помочь получить отдельную квартиру. До этого ее семья жила в коммуналке, все четверо в одной комнате. Александр вместо нее ходил по различным инстанциям и требовал, тряс историей болезни, результатами анализов. Добился приема в Министерстве здравоохранения. Наверное, он обладал даром убеждения, недаром именно в это время он почувствовал в себе экстрасенсорные способности. Семья его пациентки успела въехать в отдельную квартиру, а через неделю она умерла. Ее муж, тихий робкий человек субтильного телосложения, который в последнее время сопровождал ее к врачу, а когда она уже совсем слегла, не отходил от нее ни на шаг, тусклым голосом сообщил о смерти жены по телефону доктору Лодкину и поблагодарил за все, что тот сделал для его семьи.

Александр еще какое-то время работал, исправно вел своих больных, все больше задумываясь над тем, что мало чем может им помочь. И тут наступили времена стихийного нецивилизованного бизнеса. Разочарованный в возможностях отечественной медицины, Александр решил пойти ва-банк. А почему бы не попробовать заняться частной практикой? Вот что может принести достойные деньги. Бросать дело своей жизни он не хотел. Участвовал в научных конференциях, читал специализированную литературу, медицинские журналы. Постоянно отыскивал что-то новое, изучал достижения пластической хирургии и к тому времени всерьез начал интересоваться паранормальными явлениями, стал развивать в себе экстрасенсорные способности, которые у него явно имелись. Словом, в то время когда открывались такие возможности, довольствоваться зарплатой районного врача с его талантом было просто грешно. Александр вдобавок оказался хорошим организатором. Сначала к нему потянулись на консультации обеспеченные люди, из тех, кто знал его прежде как хорошего специалиста, внимательного и чуткого врача. Небольшой круг обеспеченных больных гарантировал ему приличное существование. Но он уже задумывался над тем, что может предложить новым, по-настоящему состоятельным людям, которых породило новое время.

Он хорошо знал женщин, их потребности, поскольку женщин любил, будучи натурой увлекающейся. И знал – каждая женщина хочет быть красивой. И любая считает, что еще чуть-чуть, небольшое усилие – и она приблизится к совершенству. Вот изменить бы форму носа, слегка подправить губы, чтобы были попухлее, прижать уши, чтобы не оттопыривались. Почти все были недовольны формой груди – кто хотел побольше, кто наоборот – уменьшить. Все хотели, чтобы грудь стояла, как у молодой девушки. Значит, ее нужно приподнять. Что ж, это вполне возможно, пластическая хирургия может исполнить и не такой каприз. А о чем еще мечтают женщины? Естественно, все они хотят выглядеть стройными и изящными, следовательно – проблема похудения у них, как правило, стоит на первом месте. Он вспомнил свою бывшую возлюбленную, Ларису, которая крутилась перед зеркалом в платьице сорок четвертого размера и недовольным голосом жаловалась:

– Все-таки я очень толстая. Вот сбросить бы еще килограммов шесть...

– И на кого ты тогда станешь похожа? На тощего Буратино? – неудачно пошутил Саша.

Увы, это была их последняя встреча. Спустя восемь лет, когда он уже владел сетью клиник, успешно практиковал как пластический хирург и был известен своими экстрасенсорными способностями, она пришла к нему на прием с мужем, кстати, его бывшим однокурсником Петькой Разбоевым. Тот окинул своим разбойничьим взглядом навороченный кабинет главного врача, заглянул через застекленную дверь в стерильную операционную и мрачно изрек:

– Ладно, согласен. Бери ее. А то уже все мозги мне проела. Нос у нее, видите ли, как у Буратино. На мой взгляд – очень даже симпатичный нос.

Александр присмотрелся к носу бывшей возлюбленной и только теперь заметил, что он у нее действительно длинноват. А ведь раньше не замечал... Вот что значит взгляд профессионала.

Лариса смущенно поглядывала на доктора, которому решила доверить свой нос. Свою обиду на него она уже давно забыла, но, видимо, случайно оброненные им слова запали ей в душу. И она их взращивала, поливая невыплаканными слезами, пока не созрела для решительных перемен. Ее невольный обидчик возмужал, заматерел, обрел мастерство, а с ним и имя. А муж, который занимался поставками дорогих лекарств из-за границы, вполне мог позволить себе оплатить любую прихоть жены. Пускай теперь оба потрудятся над ее образом. Чтобы никто и никогда не посмел даже мысленно сравнивать ее с длинноносым героем детской сказки.

Лариса и теперь оставалась вполне изящной особой, и Александр не удержался от комплимента:

– Ты так же очаровательна и стройна, как в юности.

– Работаю над этим, – честно призналась Лариса, видя в нем теперь не бывшего возлюбленного, а доктора, которому можно доверить любую тайну.

– Голодаешь? – деловито уточнил доктор.

– Хуже...

Александр понял, что она занимается активным очищением организма. Но при муже обсуждать эту тему не хочет.

Надо сказать, что после операции Лариса похорошела еще больше.

Круг пациентов Александра Лодкина неуклонно расширялся. Кое-кто из прежних знакомых не только разбогател, но и успел второй раз жениться, так что приводил новых жен, их родственников, а те – своих знакомых. «Пластико-экстрасенсорный» бизнес процветал. Были у него и постоянные пациентки, которые фактически «подсаживались» на пластические операции, как наркоман «на иглу». Стабильно раз в два года они приходили на очередную дорогостоящую операцию и смело ложились под нож, неустанно совершенствуя свою красоту. Иногда Лодкину даже приходилось их отговаривать, но словно пораженные бациллой легкого безумия, они требовали немедленной операции.

– У вас и так талия восемнадцатилетней девушки, – увещевал он свою пятидесятилетнюю постоянную пациентку. – Ну, зачем вам претерпевать такие сложности? Опять наркоз, электропила, липосакция, постельный режим, корсет. А потом такой долгий, мучительный восстановительный период. Вы же это уже проходили, знаете сами... – Он нарочно называл вещи своими именами и намеренно сгущал краски. Хотелось знать, есть ли предел женской тяги к совершенству, насколько женщины теряют голову в предвкушении очередного шага к идеалу.

– А я хочу, как актриса Шер. Она себе уже половину ребер удалила. И в свои шестьдесят выглядит на двадцать восемь, – капризно надувала пухлые губки, над которыми только что успешно поработал доктор, состоятельная владелица нескольких бутиков модной одежды «Толстушка».

И Александр Борисович, вздыхая, шел на поводу у своих богатых пациентов. Он строго следил за тем, чтобы их здоровье позволяло переносить столь кардинальные хирургические вмешательства, поэтому результат его операций всегда был отличным. А доходы позволили обзавестись большим загородным домом, дважды в год отдыхать за границей.

Он полюбил путешествовать и как человек общительный прихватывал с собой или очередную подружку, или целую компанию друзей. К этим поездкам он относился со всей обстоятельностью, как и ко всему, чем занимался всерьез. Выбрав для тура очередную страну, Александр обкладывался справочниками и красочными путеводителями, читал историю страны и

того региона, куда он отправлялся, изучал достопримечательности, отмечал на карте места, которые нужно непременно повидать.

В последнее время он пришел к выводу, что с подружками лучше встречаться у себя дома. Их всегда можно деликатно выставить за дверь, если они начинают его напрягать своим щебетом или мелкими капризами. Для серьезных путешествий они были малопригодны. Однажды во Франции любимая девушка извела его непрерывным нытьем, жалуясь, как неудобно ходить по брусчатке на высоких каблуках. При всем честном народе, сидя на скамейке в Версальском парке, она сняла модельную туфельку, демонстрируя стертую в кровь пятку. И это при том, что он настоятельно советовал ей прихватить удобную разношенную обувь.

– Сашенька, как можно – в Париже в стоптанных башмаках? Да я же со стыда сгорю! – лепетало это воздушное создание, запихивая в чемодан шесть пар модельных туфель на десятисантиметровых каблуках. Чтобы к каждому наряду была своя пара туфель.

Другая его спутница на горном курорте в Швейцарских Альпах, выйдя из фуникулера в легкомысленной маечке, открывающей все ее прелести, не пройдя и двух шагов, принялась портить ему настроение. Ей здесь не нравилось абсолютно все. Последовало подробное перечисление «этого всего»: и какой здесь собачий холод в августе в этих горах, шашлыки нигде не жарят, немцы топают в гору, как заведенные, опираясь на две туристические палки, а он о ней совсем не позаботился, и теперь она рада даже лыжной палке, да где ж ее взять? И сколько теперь топать на эту верхотуру? И вообще – почему немцы в теплых куртках? А почему они на нее смотрят? А один и вовсе схватил ее за руку своей красной лапой. Говорит, мол, согреть хочет. А сам старый, из него песок сыплется. И бабульки так и чешут за ним, вместо того чтобы с внуками дома сидеть... И что это они так развеселились, глядя на нее?

– Да потому, радость моя, что ты одна такая – полуголая на высоте в две тысячи метров. Не слушала мои предупреждения, что в горах холодно! Ладно, я тебе сейчас свой свитер отдам. Хотя у тебя в Москве их двадцать штук. Но ты же приехала продемонстрировать свою неотражимую грудь! – раздраженно отвечал Александр, подавляя в себе желание задушить беспокойную и бестолковую спутницу. Но эта очаровашечка, в которую он имел глупость влюбиться, да еще сдуру взять с собой в Швейцарию, продолжала ныть, что теперь нужно тащиться вверх и вверх, а ей и без того дышать нечем. Она хочет в ресторан, и пускай ей подадут шашлык. Правда, потом утешилась земляникой, ошалев от ее количества. Наверное, никто здесь отродясь не собирал ягоды, они краснели на каждом шагу, и русская голодающая не ленилась то опускаться на колени, то тянуться к горному склону, сметая все вокруг. Как будто приехала из голодного края! Он отчаялся оторвать ее от этого изобилия, и пришлось вместе с ней уныло клевать ягоды, вместо того чтобы присоединиться ко всем восходящим и подняться на высоту две тысячи шестьсот метров, как советовал справочник, и любоваться красотами изумрудных окрестностей.

На следующее утро он все-таки встал на рассвете и побывал у заветной таблички, указывающей высоту горы. И какой-то пожилой француз в толстой куртке увековечил его на цифровой камере, купленной Александром специально для подобных путешествий. А его подружка, объевшись ягодами, маялась животом почти целые сутки. Короче, отпуск она ему испортила капитально. Слава богу, привычка жениться у него прошла после второго брака, и он расстался со своими возлюбленными без особых драматических потрясений.

Но окончательно чашу его терпения переполнила поездка в Португалию с молодой поэтессой Леночкой Зиминной, которая в свои двадцать четыре года издала первый сборник стихов и чувствовала себя на вершине Олимпа. Как у любого творческого человека, ее мысли витали где-то в заоблачных высях, она была абсолютно не приспособлена к суровой земной жизни. Это со всей отчетливостью проявилось в их последний вечер пребывания в Алгарве. В двенадцатом часу ночи вдруг выяснилось, что она не знает, где ее паспорт. Они перерыли

весь номер, поднимали матрас, выворачивали пододеяльник и наволочки, шарили под ванной, отодвигали от стены массивный комод. Паспорт исчез самым таинственным образом. Когда они уже совсем отчаялись, а часы показывали второй час ночи, Сашу осенило:

– А куда ты выбросила упаковочную бумагу от подарков? Я видел – ты раскладывала все эти пакетики на столике рядом с документами.

– Бросила в мусорный контейнер возле ресторана, – наморщив лобик, с трудом вспомнила поэтесса.

Оба устались друг на друга и одновременно вскочили с кровати.

Сонный портье с удивлением проследил взглядом за беспокойными русскими, несущимися на всех парах к выходу. Через стекло он изумленно наблюдал, как постояльцы развили бешеную деятельность вокруг мусорного контейнера. Невысокая девушка подпрыгивала, как мячик, пытаясь заглянуть в контейнер, а ее спутник свесился через бортик и активно копошился в мусоре. Время от времени он извлекал очередной ворох бумаг и внимательно рассматривал их под тусклым светом фонаря. Мимо проехала полицейская машина с мигалками, а потом остановилась. Вышли удивленные полицейские и неспешно прошествовали к странной паре. Парень достал свой паспорт и показал им. Когда полицейский обратился с каким-то вопросом к девушке, та указала рукой на мусорный контейнер. Полицейские минуты две понаблюдали за парнем, который опять нырнул в мусор, с усмешкой переглянулись и так же неторопливо отправились к машине.

Паспорт Саша все-таки отыскал, но с тех самых пор зарекся брать с собой в путешествия женщин. Какими бы они ни были обаятельными красавицами, мужская компания в чужеземных странах ведет себя куда более предсказуемо. Он уже убедился в этом на собственном опыте. В крайнем случае мужик напьется вдребедан, и то уже только поздно ночью. С утра они никогда не пили. В чужих странах интересно и без горячительного.

Коли у тебя есть деньги, то способов потратить их отыщется великое множество. Александр теперь мог баловать маму и бабушку, с благодарностью вспоминая, как много они ему дали в жизни. Мама лет двадцать преподавала в университете русский язык иностранцам, занималась репетиторством. И все ради того, чтобы ее сыновья получили хорошее образование, отлично знали английский язык. Ведь знание языков очень расширяет возможности человека. Вообще, любое знание и умение – благо. На это она денег не жалела. Сыновья решили пойти на курсы вождения – и опять мама оплачивала их занятия, а потом еще и дополнительные с инструктором, чтобы душа не тревожилась, когда они сядут за руль. Она считала, что все нужно делать профессионально, а для этого нужно учиться у хороших педагогов. Будь то преподаватель университета или инструктор по вождению.

Когда в стране наступили времена «дикого капитализма», мама стала давать частные уроки заграничным бизнесменам, которые рискнули открыть свой бизнес в новой России. Оказалось, что частные уроки дают очень и очень существенный доход. Благодарные ученики рекомендовали ее друзьям и знакомым. Мама умела создать деловую и вместе с тем дружескую атмосферу, урок часто заканчивался чаепитием и неспешными разговорами о жизни за «бугром» и в новой России.

– Говорите по-русски, – требовала она от своих взрослых учеников. И те, пытая и старательно подбирая сложные русские слова, рассказывали о традициях своей страны, о себе, о своих семьях, о работе.

Какое-то время мама продолжала работать просто для собственного удовольствия. Деньги у нее были, но Александр решил, что его долг – баловать своих женщин. И прежде всего занялся их здоровьем. Благо такой возможностью он обладал. Его клиника на десять палат и три операционные была оснащена самым современным оборудованием. Плюс отличный медперсонал, который он подбирал лично, знакомясь сначала с резюме, а потом приглашая соискателей на собеседование.

Когда его мама, ухоженная дама, всегда умевшая держать спину, катила перед собой инвалидное кресло с девяностолетней матерью по сверкающему чистотой коридору, пациентки, с изумлением поглядывая на колоритную пару, перешептывались:

– Ну, уж если эти старушки делают подтяжки и прочие омолаживающие процедуры, нам-то сам Бог велел! Вы только посмотрите, доктор берется омолаживать даже тех, кого уже ноги не несут!

А женщины из семьи Лодкиных, являющие собой «ходячую рекламу», как их шутливо называл Александр, направлялись на легкий массаж или принимать грязевые ванны. Сестрички в белоснежных халатиках окружали важных персон вниманием и заботой, а обе дамы благосклонно, как должное, принимали их опеку. Маме никогда не приходило в голову сделать себе подтяжку. Она знала, что и так выглядит гораздо моложе своих лет. Кожа на ее лице была гладкая, матовая, она умела за собой ухаживать. Бабушка, невзирая на свой весьма преклонный возраст, даже в инвалидном кресле восседала, как королева. У нее от старости уже дрожали руки, поэтому волосы по утрам ей укладывала дочь в одну и ту же прическу, которая не менялась на протяжении многих лет. Бабушка как будто сошла со страниц романа Диккенса. Ее голубые глаза с любопытством взирали на мир. И он ей нравился. В этом мире ей жилось комфортно и уютно. И все это благодаря заботам любящих дочери и внуков.

– Какая же у меня веселая старость! – любила повторять она, получая очередной знак внимания от членов своей семьи.

Обе дамы обожали наряжаться и имели отменный вкус. Так что живая реклама в их лице приносила клинике доктора Лодкина большие дивиденды. Круг пациентов расширялся, доктор работал не покладая рук.

Но был у Александра Борисовича заветный кабинет, где он преображался. Вместо уверенного пластического хирурга предстал маг в малиновом облачении. Властный взгляд, видящий все насквозь, уверенный голос, скупое роняющий слова, четкие отточенные жесты. И он действительно *видел*. Во всяком случае, многим предсказал их будущее, растолковал прошлое, у многих снял застарелые душевные травмы, во многих вселил уверенность и оптимизм.

Сколько во всем этом было экстрасенсорики, ведовства, ясновидения, а сколько трезвого взгляда опытного врача, вдумчивого психолога, просто мудрого человека с большим жизненным опытом – никто не знал.

Семен пытался расспросить брата об этом, но всегда открытый словоохотливый Сашка мгновенно замыкался, и выдавить из него хоть что-либо вразумительное не удавалось. Он или отмахивался, или отшучивался – то ли из суеверия, то ли из-за невозможности просто объяснить свой метод.

С того времени круг его пациентов состоял не только из клиенток, которые решились прибегнуть к помощи пластической хирургии или очищению организма, но и из тех, кто хотел заглянуть в свое будущее, распутать прошлое, избавиться от комплексов, очистить карму. Клиентки, пришедшие к пластическому хирургу Лодкину, как правило, оказывались в «пещере». А потом приводили туда своих знакомых. Это и понятно: людям легче обратиться со своими проблемами к знакомому доктору, который уже хорошо зарекомендовал себя и ему можно довериться. Частенько это бывали люди с положением – солидные бизнесмены, политики, чиновники... Нередко человек и сам не знал, что ему надо, и экстрасенс Александр Лодкин, сосредоточившись, помогал клиенту нащупать и нейтрализовать мучающие его проблемы. А иногда просто советовал обратиться к тому или иному специалисту, благо круг знакомств у него был большой. У доктора Лодкина, который за годы своей практики обрел широкие связи в медицинском мире, был заветный пухлый блокнот с нужными телефонами и адресами. И те, кому он звонил, всегда откликались на его просьбы.

Глава 4

Метания

Младший из братьев Лодкиных, Семен, в свое время доставил семье немало огорчений. Мама, которая по доброте своей не умела держать сына в строгости, иногда приходила от его выходок в полное отчаяние.

– Мамочка, ну почему он у нас такой? – огорченно спрашивала она у своей матери. – Воспитываем одинаково и того, и другого, моей любви им хватает поровну, строгости тоже, – тут она уже лукавила. Сама знала, что многое прощает младшему сыну. Со старшим хлопот почти не было, вот она время от времени и теряла бдительность. Считала, что и Семен должен сам соображать, не все же его носом тыкать. Сколько можно проявлять безалаберность и полную безответственность? Пора бы уже и повзрослеть. Она знала и о его проделках в университете, и как он халтурно готовится к сессии, и на какие ухищрения пускается, когда готовит к сдаче свои якобы репортажи... Но между тем в глубине души она гордилась его находчивостью и предприимчивостью. Все-таки несильно усердствовать в постижении журналистского мастерства и оставаться на плаву не каждый сможет.

Первый раз она была по-настоящему потрясена, когда сын после окончания университета вместо того, чтобы устроиться в какую-нибудь газету, решил пойти в армию.

Александр на правах старшего брата устроил ему разнос:

– Я тебе могу любую отмазку устроить по медицинской части. Что ты вытворяешь? О маме с бабушкой подумал?

– Что ты так переживаешь? – искренне удивлялся Семен. – Я поступаю как настоящий мужчина, а вы все волнуетесь, как будто до меня никто в армии не служил. Если на то пошло, я хочу набираться впечатлений. Для пишущего человека жизненный опыт просто необходим.

В конце концов семья смирилась с выбором Семена. Не держать же его на привязи дома! Может, ума наберется, как известно, армия дисциплинирует.

Из армии Семен писал жизнерадостные письма, полные юмора, читали их с удовольствием всей семьей. Потом долго обсуждали, на самом ли деле служба на погранзаставе похожа на пребывание в пионерлагере или Семен не пишет, как там на самом деле, а просто их успокаивает? Почему-то по его письмам выходило, что служба на румынской границе – ежедневный праздник. Он писал, что купается в Дунае, а в городе Измаиле красивые девушки на любой вкус. Город сам по себе вполне цивилизованный, чистенький и зеленый. В увольнении он ходит с девушками в ресторанчик «Голубой Дунай», где готовят очень вкусные фаршированные перцы по-болгарски. А когда скучает по русской кухне, есть блинная, но там можно отведать и вкусных щей. В кафе в новом здании речного вокзала подается замечательная дунайская селедка. Семен любил вкусно поесть, и добрая четверть любого его письма всегда посвящалась гастрономической теме. Мама радовалась, что ежемесячная дотация, которую она выделяла сыну, приносит ему столько радости. Иначе выдержать однообразную солдатскую еду ему было бы тяжело. В письмах он сравнивал уклад жизни по обе стороны Дуная. «Огромная разница между жизнью на нашей стороне и румынской. Напротив современного здания речного вокзала Измаила – нищая румынская деревенька. У нас вдоль Дуная по шоссе проносятся машины, а по ту сторону реки по грунтовой дороге скрипит огромными колесами что-то вроде арбы. Возница в соломенной шляпе и с длинными усами, как персонаж какой-нибудь старой сказки, понукает волов, время от времени лениво стегая их длинным кнутом. Женщины в темных юбках до пят и рубахах с широкими рукавами, у всех на головах платки. А у нас девчонки в мини-юбках».

В следующем письме он писал уже об интернациональном населении Измаила. Но почему-то на примере местных девушек, поразивших его внимание. Больше всего ему нравились болгарки, хотя молдаванки – тоже красавицы. Симпатичны и гагаузки, но у некоторых большие носы, Сашке было бы где разгуляться со скальпелем. Русские и украинки ни в чем не уступали всем вышеперечисленным. В общем, местное женское население вполне заслуживало внимания столичного кавалера. В ответном письме Александр не удержался от ироничного замечания: «Из твоего письма я понял, что Измаил заселен одними девушками, как город Иваново. Есть ли там ткацкая фабрика?»

«Ты недалек от истины, – ответил ему младший брат. – Поскольку мужчины этого замечательного города по полгода плавают по Дунаю, то в нем остается одно женское население. Ставки пограничников в это время очень повышаются. Ткацкой фабрики в городе нет. Только консервный завод и педагогический институт. Но в нескольких часах езды от Измаила, в городе Бендеры, есть шелковый комбинат. Там тоже много девушек...» – писал Семен со знанием дела, как настоящий исследователь местной легкой промышленности.

Мама пришла к выводу, что сыну служится в армии очень даже неплохо. А главное, он действительно набирался впечатлений. Его жизненный опыт становится богаче, а это необходимо будущему журналисту.

Письма младшего сына походили на тематические очерки. В очередном письме Семен рассказывал, как совсем недавно, будучи в увольнении, он был потрясен изменениями, произошедшими в городе за неделю. «Я решил, что власть в городе переменялась. Но нам еще ничего не успели сообщить об этом. Крыши домов на окраине города покрыли соломой, как во времена боярской Румынии. Вывески с названиями улиц и над магазинами вдруг оказались на румынском языке. Румынское знамя развевалось над административным зданием, по улицам ходила толпами молодежь в национальных костюмах, все веселились и радовались. Я растерялся и немного забеспокоился, не мог понять, что происходит. Как ни странно, но все говорили на русском языке. Я понял, что снимается фильм, когда на главной площади увидел известных актеров. А большое количество молодежи на улицах – это школьники и студенты местных училищ и пединститута, задействованные в массовке...».

Семен исправно отслужил два года, вернулся домой здоровенным детиной, и мама долго не могла привыкнуть, что этот дядька, которому нужно ежедневно бриться, ее младший сын. Черты лица у него огрубели, руки вдруг стали такими крупными, как будто он работал землекопом. Голос стал низким и поначалу пугал даже глуховатую бабушку. Старушка заметила, что после армии внук – уже не прежний щеголь и теперь даже трудно представить, что он воспитывался в интеллигентной семье. Шутки у него тоже были грубоватыми, даже Саше они не нравились, хотя в мужской компании среди врачей он слышал и не такое. Семен нарочито хотел казаться крутым парнем, новая роль ему очень нравилась. Этакий прошедший огонь и воду настоящий мужчина.

– И чем ты теперь будешь заниматься? – поинтересовался старший брат, испытывая потребность наставлять младшего на путь истины. Он давно понял, что женской половине семьи сей неблагодарный труд уже не под силу.

– Пойду в автосервис. В армии я работал в автомастерской, кое-чему научился. А главное, мне это дело очень нравится.

– Как? А журналистика? Столько усилий потрачено, а теперь ты решил пойти по наиболее легкому пути? – удивился раздосадованный Александр. Ему казалось, что Семен просто шутит.

– А почему ты решил, что это легкий путь? – в свою очередь удивился Семен. – Хорошего мастера по автоделу не так-то легко найти. Вспомни, сколько ты сам ворчал, что некому доверить свою машину. А я, между прочим, хороший автомеханик. На погранзаставе чинил машины нашего начальства, меня все хвалили. Может, у меня дар открылся.

– Ну да, гений автодела! – саркастически усмехнулся старший брат.

– Но как же твое высшее образование? – в отчаянии взывала к непутевому сыну мать. – Пять лет учиться, чтобы в результате валяться под машинами! У тебя руки будут вечно пахнуть машинным маслом!

– Вот именно, – проворчала бабушка. – Я, кстати, не переношу всякие химические запахи. У меня может появиться астма.

– Бабуля, я буду ежедневно принимать душ, а когда нужно будет прийти к тебе в гости, стану с ног до головы поливаться твоей любимой туалетной водой. Какие у тебя предпочтения в этом сезоне? – грубовато пошутил Семен, а мама с бабушкой обиделись.

– Ты мне не ответил, зачем учился все эти годы? – настаивала на ответе мама.

– Чтобы получить высшее образование, – лениво ответил Семен. – Вы же сами этого хотели. И вообще – дайте мне возможность самому решать свою судьбу. Если я вам скажу, что у меня не возникает ни малейшего желания просиживать штаны в редакциях, вы наконец оставите меня в покое?

– Что-то новенькое в профессии журналиста... – вмешался Александр. – До сих пор я думал, что журналиста, как и волка, ноги кормят. Кстати, тебе же понравилось в армии. Могу тебя устроить в военный журнал. У моей пациентки муж – влиятельное лицо в Воениздат, поговорю с ним. Вполне престижная работа. На кусок хлеба всегда заработаешь. И пиши до конца жизни на военную тему.

– Большая радость – мотаться по гарнизонам, собирать материалы, а потом сидеть под присмотром начальства и кропать заказные статейки, да еще не забывать при этом лакировать действительность. Иначе ничего не пропустят. Нетушки, я уж лучше под машинами поваляюсь. Нравится мне это дело. Кстати, клиенты с мастерами иной раз тоже любят за жизнь поговорить. Тут-то я и блесну своим высшим образованием, – утешил он вконец огорченную маму. – Между прочим, в армии я выпускал стенгазету. Может, в автомастерской пригодится мой опыт. Стишки про машины стану писать, сочинять хвалебные отклики клиентов в свой адрес, мадригалы называются. Так что и журналистское образование сгодится.

Семейный совет потерпел полное фиаско, и Семену дали вольную. Теперь, чтобы уверить членов семьи в правильности своего выбора, он с воодушевлением рассказывал о своей работе, клиентах, новых друзьях. Мама испуганно замечала, что ее сын со своими грубоватыми шуточками все больше становится похож на неотесанного мужлана. А когда он со стуком ставил на стол бутылку пива и рассказывал брату о веселой и дружной компании мужиков, с которыми он работал, или, как он выражался, «травил» всякие байки о клиентах, Александр отказывался его понимать и не мог оценить всей прелести новой жизни младшего брата.

– Представляешь, к нам тут пополнение прибыло, – однажды стал выкладывать Семен свои новости. – Молодая деваха по имени Галина. Очень даже симпатичная. В моторах разбирается, как бог. Но какая-то молчаливая, даже странно. Необычное качество для женщин. Только зыркает своими огромными серыми глазищами. А ресницы – отпад. Черные, длиннющие, пушистые. Не красится! Мы ее все пытались разговорить, откуда у нее такой опыт. Все-таки призналась однажды, когда мы после работы пивка хлебнули, что работала помощником механика на корабле, мореходку закончила. Поплавала несколько лет, замуж вышла. Муж с ней плавал. Потом их корабль списали, на берегу работу не нашли. Муж пошел продавцом в частный магазин, загулял с хозяйкой, Галя как узнала, сразу его и выгнала. Помыкалась с дочкой, пыталась торговать на рынке, не получилось. Пришла к нам. Ее приятель пристроил, он друг нашего хозяина. Так что она теперь счастлива, любимым делом занимается. Такая девка классная! Фигурка точеная, рост – метр семьдесят пять.

– Ты поосторожнее с этими девушками из автосервиса, – предупредил его опытный брат. – Знаешь, сколько заразы в Москве теперь ходит?

– Советуешь к тебе на анализ привести? – Семен в своей обычной манере грубовато шутил, не выбирая выражений.

– Если собираешься с ней закрутить, не мешало бы, – Александр отнесся к словам брата вполне серьезно.

– Да я бы женился, – вдруг неожиданно заявил Семен.

– Сема, да ты что? – воскликнула в испуге мама, прислушивающаяся к разговору сыновей. – Ты же ее совсем не знаешь. К тому же у нее дочка. Еще неизвестно, что это за ребенок.

– Известно. Неважный ребенок, деньги у матери ворует, шляется целыми днями по дворах, покуливает, с плохой компанией связалась. Она же без пригляда. У отца новая любовь, мать на работе целыми днями. Некому дитем заниматься.

– Ужас-то какой! Сколько же ей лет? И сколько лет твоей Галине?!

– Девочке семь, а Галине двадцать девять. Но по виду двадцать пять.

– И думать даже не смей! Девочке всего семь лет и уже такая оторва! Такой груз на себя взваливать!

– Ма, пошутил я, не пугайся так. Не хочу я жениться. Кстати, Галина свою дочку в интернат определяет, чтобы та под присмотром была. А то совсем девчонка от рук отобьется.

– Да куда уж дальше, если она в семь и курит, и ворует. Что в мире творится... – вздохнула мама не то с сочувствием, не то с облегчением, радуясь тому, что заявление о женитьбе было всего лишь очередной шуткой. А то с него станет, с его, как он говорит, закидонами!

– А говоришь, девушка неразговорчивая. Ты уже успел все выведать о ее личной жизни и даже знаешь, что ждет ее дочурку в ближайшем будущем, я имею в виду интернат, – продолжил разговор Саша.

– Да, наверное, ей не с кем было поделиться, вот она мне и рассказала. У Галки как-то и подруг нормальных нет, не успела завести, когда с корабля списалась. А вообще, мне ее действительно жалко. Не представляешь, какая грусть у нее в глазах. Я спрашивал, может, ей лучше мужа попробовать в семью вернуть. А она говорит – ни за что. Ей попались любовные письма от той женщины, к которой он ушел. И Галина поняла, что у них там все серьезно. Она таких писем своему мужу никогда не писала. Самое интересное, что у той женщины тоже муж есть. И как только он узнал, что у жены роман с другим, вообще куда-то пропал. Уехал и все. Ни слуху ни духу. Вот как бывает в жизни. Сколько полуманных судеб из-за одной страсти...

– Сюжет для книги, – подал идею Александр. – А что? И профессия у героини необычная: то моряк, то автослесарь. И семейная драма. И любовная страсть. И как результат всего – педагогически запущенный ребенок. Еще неизвестно, чем грозит девочке пребывание в интернате. То есть вполне понятно, что ничего хорошего это не сулит ни ребенку, ни матери. Полный мрак. Такая чернуха вполне в духе писательницы Петрушевской. Я когда ее читаю, мне жить не хочется. Но почему-то читаю.

– Да у тебя так все благополучно в жизни, что даже скучно. Тебе недостает настоящих страстей. Вот и читаешь книжки, чтобы сравнить со своей жизнью и порадоваться, что у тебя-то самого, слава богу, все лады. А насчет сюжета для книги я подумую.

Семен никому из своих близких не признавался, что давно ведет дневник. Записывает туда и события из своей жизни, и мысли, и наблюдения, и все интересное, что слышал от других, и всяческие наброски и этюды. Так, на всякий случай. В глубине души он допускал, что когда-нибудь снова начнет писать. И кто знает, может быть, эти записи еще сослужат ему свою службу.

Жизнь шла своим чередом. Он по-прежнему копался в моторах, находя поломки и устраняя их. Иногда клиенты приезжали конкретно к Семену, у него была репутация хорошего мастера. Только теперь Семен стал понимать, что ему стало недостаточно общения с друзьями по автоделу. Оказывается, не такая уж у них независимая и разудалая жизнь. После

работы – неизменное пиво, дома к пивку добавлялся телевизор. Работа сводилась к тому, чтобы побольше зашибить денег и постараться надуть клиента, навешав ему лапшу на уши.

Однажды в выходной день Семен решил прошвырнуться по набережной у ЦДХ. Было любопытно поглазеть и на картины, и на празднующую публику. Когда-то в далеком школьном детстве он ходил в художественную школу. У него даже находили способности рисовальщика. Особенно удавались ему шаржи и карикатуры – умение, которое потом высоко оценили в армии.

Был апрельский серенький денек, над городом нависло свинцовое небо. На мокром асфальте подтаивал грязно-белый ноздреватый снег, но уже явственно пахло весной. Впрочем, северный ветерок нахально забирался под легкую курточку, на которую он сменил надоевший за зиму пуховик. Продавцы стояли у пестрых картин, зябко кутаясь в теплую одежду, подстелив под ноги картонки. Так им было теплее. Они переговаривались осипшими простуженными голосами и выжидающе смотрели на прохожих. На фоне неприглядного пейзажа уходящей зимы куски картона и холста поражали буйством красок и вызвали ощущение настоящего праздника. Когда прошел шок от этого пестрого разнообразия, Семен стал различать, сколько откровенно дешевого китча выставлено здесь на продажу. Какие-то слащавые пейзажики, аляповатые букеты... По-настоящему хороших работ было совсем немного.

Что-то дрогнуло в его душе, когда взгляд упал на картины с горными пейзажами. Желто-охристые горы, ярко-синее небо и на фоне неба – древние каменные храмы. Цветовая гамма напоминала работы Сарьяна, но это было что-то свое, оригинальное. Молодой черноволосый продавец обрадовался, когда Семен заговорил с ним. Оказалось, он и есть автор этих пейзажей. Каждое лето он ездит на родину, в Армению, забирается с друзьями в безлюдные места, пишет этюды, а зимой возвращается в Москву и дорабатывает картины. Его мастерская здесь, недалеко от Крымского моста, на набережной. Ее арендуют шесть художников. У некоторых, как и у него, нет своего жилья, и они живут там же, в мастерской, такой небольшой коммунальной. Заработать много не удастся, потому что он пишет не то, что пользуется коммерческим успехом, а то, что велит душа. Вот рядом стоят ребята, бойко торгуют картинами на потребу новым русским, так они зарабатывают большие деньги. Их букеты незабудок в круглых белых вазах, розы на длинных стеблях в хрустальных бокалах, обнаженные девушки с тонкой талией и большой грудью – это те сюжеты, на которые всегда есть спрос. И главное, сколько продавец заломит, столько ему и платят, не торгуясь. Считается, что торговаться за картины стыдно. Цена определяет качество. И если за картину просят две тысячи долларов, значит, она того стоит. Так думают жены новых русских, украшая свои коттеджи аляповатыми «шедеврами», купленными у ЦДХ.

Семен приценился к нескольким картинам с цветами и обнаженной натурой и обалдел. Это сколько же моторов ему надо перебрать, чтобы заработать такие деньги? Он стал лихорадочно соображать. Карандашом владел когда-то неплохо. Портреты ему удавались. А вот тело рисовать не умел. Зато в художественной школе рисовал недурные пейзажи, мама гордилась, подругам показывала. Кое-что из его школьных опытов до сих пор лежит на антресолях, хранится в пыли... Семена осенило. Он будет оригинальным художником!

На следующий же день он рванул на Никольскую в художественный салон, где еще школьником покупал краски. Закупил и кисти, и акварель, и бумагу, и масло, и холсты. Прихватил этюдник и повез все свои покупки к машине. В магазине он оставил почти всю свою зарплату. «Все вернется мне сторицей...», – думал он в нервном возбуждении, вырываясь в сторону Лубянки.

Началась новая жизнь. После работы он мчался сломя голову домой, наспех ужинал и садился за работу. Из его комнаты на всю квартиру разносился запах олифы и краски. Мама тихо радовалась, что мальчика наконец потянуло к интеллигентной работе. Более того, творческой, которая сулила жизненный успех и хороший заработок. Бабушка относилась к новому

увлечению внука куда более скептически. Она считала его энтузиазм временным, как и все, за что он принимался. Наиграется и остынет... Но вслух свои соображения она не высказывала. Пускай себя ищет, лишь бы делом был занят. Работу в автосервисе она тоже не принимала всерьез. Ей казалось, что, ремонтируя автомобили, Семен продолжает свою любимую детскую игру в машинки. И сейчас играет в машинки, только во взрослые. Наверное, ковыряясь в моторах, он так же надувает щеки и тихонько гудит, как в детстве.

А Семен с горящими глазами сидел за этюдником в своей комнате. Он творил каждую свободную минуту. Вот только спать перешел в гостиную, чтобы утром не просыпаться с тяжелой от запаха краски головой.

Через месяц упорных трудов начинающий художник понял, что лучше всего ему удастся черный квадрат, черный круг и прочие геометрические фигуры, которые он изучал в средней школе чисто теоретически. Ничего больше у него не получалось. Но «Черный квадрат» уже прославил Малевич. Наверное, и у черного круга уже есть известный автор. Семен попробовал писать под примитивистов, но получалось уж очень примитивно, как будто на занятиях по рисованию в детском саду. Огрубевшие руки забыли технику и навыки, как будто он никогда не посещал занятий в художественной школе.

Александр с интересом наблюдал за его героическими стараниями и наконец вынес свой вердикт:

– Я думаю, тебе надо попробовать поработать с камнем или металлом. Попробуй заняться скульптурой. У моей пациентки муж – скульптор, у него мастерская в Колпачном переулке. Хочешь, я поговорю с ним, чтобы пустил к себе поработать? У него посреди мастерской стоит огромный стол. Он на нем чего-то там ваяет. Хватит места и для двоих. Там вокруг этого стола человек сто можно рассадить. Я у него однажды был на поминках нашего друга. Народ собрался в этой мастерской, потому что у умершего было столько друзей, ни в одной квартире не поместились бы. Представляешь, пока все эти гипсовые изваяния снимали, пока расставили по углам... В общем, час мужики таскали. Во сколько наваял! Потом стол накрыли белыми простынями, водку с закуской выставили, здорово было. Песни под гитару пели... – с удовольствием вспоминал веселые поминки брат.

– Тьфу на тебя, – обиделся Семен. – Я тут создаю произведения искусства, а ты мне про поминки. Издеваешься?

– Ничуть, – спокойно ответил Александр. – Что тебя смущает? Все мы когда-нибудь умрем. Но таких поминок никто по нам не устроит, уверен. Потому как у нас нет столько друзей. А этот наш общий друг – Алешка – такой классный мужик был! Кто с ним только ни дружил. И бард один известный, пришел на поминки с гитарой, пел любимые песни Алешки. И космонавт приехал, и даже ведущий телевизионной программы, тоже известный мужик. Врач. Путешественник по совместительству. Слова хорошие говорил про Алешку.

– Сашка, прекрати... Мне и так хреново, а ты свою тему про поминки все развиваешь и развиваешь. Нет чтобы мне утешительное сказать что-нибудь! Или предложить. Например, кузницу. Тогда я буду с железом работать. Ковать, например, цветы дивной красоты.

– Или оградки для могил, там тоже искусство нужно, – никак не мог съехать с облюбованной темы Александр. – Знаешь, сколько на оградках умельцы зарабатывают? Почти как министры!

– Мальчики, ну что за тему для своего юмора вы выбрали! – возмутилась наконец мама, видя огорченное лицо Семена. – Бедный мальчик, опять у него ничего не получается... А Саша, вместо того чтобы поддержать младшего брата, подначивает его. Все-таки профессия доктора тоже имеет свою негативную сторону. Тема смерти для них так же обычна, как и любая другая. Никакого страха или хотя бы трепета...

Семен работал в автосервисе вот уже два года. Надо было или двигаться по этой лестнице – становиться менеджером, потом начальником участка, затем отделения, а в перспек-

тиве самому открывать свое авторемонтное дело. Или решительно уходить. От тяжелой однообразной работы он уже начал уставать, суетливые клиенты вызывали раздражение. Принимая очередную машину, он хмуро рассматривал ее истерзанное железное тело, злясь на хозяина, доведшего ее до такого состояния. Ну ладно бабы – они, кроме руля и педалей, ничего в машине не понимают. Но мужики, которым сам Бог велел холить и лелеять свою технику, иногда привозили своего «боевого коня» в таком виде, как будто на самом деле выезжали на дорогу, как на ежедневное поле боя. Вмятины, царапины, колпаки на колесах истерзаны в лохмотья, номера едва держатся, того гляди отвалятся. У кого-то фонари скотчем приклеены, а кто-то и вовсе на свой бампер не один рулон скотча накрутил, чтобы не отвалился, поскольку и так держится на честном слове. Один клиент, хозяин «жигуленка», принципиально никогда не мыл машину и салон не убирал. И после ремонта не велел приводить ее в божеский вид.

– Пускай у нее будет неприглядный вид, так мне спокойнее. На такую никто не позарится, – объяснял он свое отношение к машине. В салоне стоял устойчивый запах плесени и гнили. Мягкие банки из-под пива перекатывались по затоптанному коврику, давно потерявшему первоначальный цвет. Да его все равно не было бы видно под слоем песка и сухой травы, налипшей на многострадальный коврик неизвестно с каких пор. В бардачке в целлофановых пакетиках хранились объедки давних пиршеств хозяина. И было непонятно, зачем в таком бедламе лежит немецко-русский словарь в глянцевого обложке. Притом часто используемый. У словарика тоже был затрепанный вид. Как будто в него заглядывали каждую минуту. В багажнике и вовсе лавка старьевщика на колесах. Помимо задубевших кирзовых сапог владелец машины хранил там плащ-палатку времен Второй мировой войны, облезлую шапку-ушанку, колпак от машины «Ауди», по всей вероятности, подобранный на дороге, целую коллекцию боковых зеркал от различных марок «Жигулей» и две лопаты разных размеров. Разгребая эту помойку, Семен брезгливо извлек со дна сетку с гнилой картошкой и выбросил ее в мусорный контейнер. Уж очень мерзкий запах шел от нее. В таких условиях он работать не мог. Хозяин, по всей вероятности, купил картошку еще зимой, она успела промерзнуть, затем оттаять и сгнить. Вряд ли он спохватится о ней, в машине и так оставалось еще много всяческого хлама, которым так дорожил этот «Плюшкин».

Однажды прикатила на своей «Оке» дама с жалобой, что вот уже несколько дней ее любимая машина дребезжит, даже когда едет по гладкой автостраде. Семен перебрал все, что возможно, но стоило завести мотор, как тут же раздавалось занудное дребезжание. Семен измучился, отыскивая причину этого назойливого звука, злясь на себя, что впервые столкнулся с неразрешимой задачей. Призвал на помощь бывалого Петровича, который славился в узких кругах авторемонтников своей народной смекалкой. Тот с сосредоточенным видом поковырялся под капотом, в салоне, затем открыл багажник и радостно воскликнул:

– Нашел!

– Чего там? – мрачно спросил Семен, досадуя, что не он обнаружил проблему.

– Да у нее тут ящик с пустыми бутылками, наверное, сдавать собралась. Вот они и дребезжат.

Действительно, при работающем моторе бутылки в ящике ходили ходуном и мелко звенели.

Дама обрадовалась, что причина ее беспокойства обнаружена, собралась было уезжать, но Петрович ее притормозил:

– Сначала проплатите через кассу.

– За что?! – изумилась хозяйка машины. – Ведь вы ничего не ремонтировали!

– А время? – резонно пояснил ей Петрович. – Мы на вашу машину полтора часа потратили. У нас время денег стоит. С вас восемьсот рублей.

Лицо женщины исказила гримаса гнева, она разразилась руганью и в кассу протопала широким размашистым шагом, всем своим видом выражая презрение к хапугам-автослесарям.

Но делать было нечего – без пропускного талона охрана не выпустила бы ее с территории автомастерской.

Семен рассказывал потом эту историю всем знакомым и клиентам как очередную байку. Брат Александр от души хохотал и, как всегда, сделал свой вывод:

– Сюжет для юмористического рассказа, советую воспользоваться. – Он не оставлял надежды засадить брата за письменный стол и заставить наконец заняться своей настоящей специальностью.

– Может, когда-нибудь и воспользуюсь, – уклончиво ответил Семен. Он и сам понимал, что мир, пропахший маслом и бензином, ему уже надоел. Пора двигаться дальше.

На помощь судьбе, как это часто бывает в жизни, пришел его величество случай.

Глава 5

Его величество случай

С Семеном произошла неприятность. Он возился с машиной, стоя внизу, в смотровой яме. Что-то не задалось и сверху брызнула едкая тормозная жидкость. Он отшатнулся, но все же несколько капелек попали в глаза. Глаза словно обожгло огнем. И хотя ему тут же оказали первую помощь, долго промывали, жжение не проходило. Пришлось ехать в травмпункт, там тоже промыли глаза, закапали что-то из пипетки и отправили домой, велев вызвать врача на дом.

Мама тут же запаниковала, срочно вызвала старшего сына. Александр убедился, что первая помощь оказана и теперь дело только во времени. Как человек обстоятельный он на следующий же день прислал пожилую медсестру, чтобы она выполняла все назначения врача. Решил, что маме и так достается, ей надо ухаживать за своей престарелой матушкой, а опекать еще и сына – это, пожалуй, явный перебор. Годы у нее уже не те, чтобы разрываться между двумя членами семейства.

Семен оказался капризным больным. Уже через несколько часов после процедур, наложения повязки, укола, оказавшись в полной темноте, он не знал чем себя занять. Пробовал слушать сериалы, но без картинок текст казался полным бредом. Особенно резали слух любовные сцены. По радио транслировали песни с убогим текстом, и его это тоже начало раздражать. Уж лучше слушать зарубежную попсу, там не всегда слова разберешь, если поют не на английском. А может, и у них слова такие же дурацкие, как у наших песенников? Словом, жизнь с каждой минутой становилась невыносимой, и Семен попросил медсестру почитать что-нибудь на ее выбор.

– У меня с собой есть детектив, я всегда в метро читаю, а то мне добираться долго, – тут же охотно откликнулась добрая женщина. Она видела, как ее подопечный мается от скуки, и не знала, чем его развлечь. Так что чтение детектива оказалось как нельзя кстати.

Семен смиренно лежал и слушал. Детектив оказался неплохой, с выдумкой, события развивались динамично и непредсказуемо. В общем, не классический шедевр, а просто хорошо сделанная вещь, и это тоже неплохо.

Когда медсестра ушла, он погрузился в воспоминания. Перед ним, как во сне, мелькали люди, он слышал обрывки фраз, неожиданно всплыли лица ребят, с которыми он служил на погранзаставе. Вспомнился его друг Денис Власов, такой же, как и он, гуманитарий, вспомнился подробно, выпукло. Он перебирал в памяти забавные события, связанные с его лучшим другом. Вот комендант никак не может подобрать сапоги сорок седьмого размера, Денис конфузится, комендант возмущается и кричит на солдата нестандартных размеров, что на всех не угодишь и ноги не отвалятся, если ходить с поджатыми пальцами. Армия на то и армия, чтобы преодолевать трудности и привыкать ко всяким неудобствам. А если солдат размечтался шагать по плацу и чувствовать при этом себя комфортно, надо было заранее позаботиться, еще на гражданке. Заказать сапоги в специализированной мастерской. Вспомнил, как Денис вечно жаловался на одолевавший его голод. При его размерах Гулливера ему явно не хватало обычного солдатского пайка. И однажды он пробрался на кухню и утащил из котла здоровенный кусок вареной свинины. Повара даже опомниться не успели. А когда все-таки заметили исчезновение мяса, то тут же пожаловались начальству. В итоге по казармам устроили настоящий шмон. Но Денис, не будь дурак, спереть-то мясо спер, но в казарму кусище не понес. Как чувствовал, что пропажу обнаружат и начнутся поиски. Мясо он припрятал по дороге в кустах, завернув его в лопухи и прикрыв ветками. Потом уже, когда все утихло, они с Семеном затаи-

лись в зарослях и жадно поедали уже успевшее слегка подсохнуть мясо. Ощущение опасности возбуждало, они уплетали за обе щеки, боясь только одного – как бы не подавиться от спешки.

На следующий день снова пришла пожилая медсестра, и Семен стал расспрашивать ее о жизни. Почему-то его разбирало любопытство. Чужая жизнь могла оказаться интереснее любой книги. Женщина попалась словоохотливая, она легко принялась рассказывать о себе, о своей работе.

– Мне очень повезло, что я работаю в клинике доктора Лодкина. И график работы удобный, есть возможность подрабатывать, и зарплата хорошая. Коллектив тоже замечательный, доктора очень благожелательные и такие уважительные. Ездить, правда, на работу далековато. Но зато читаю всю дорогу. Так бы времени-то не нашлось. Домой возвращаюсь – надо дочери по хозяйству помочь, у нее детки маленькие. С мужем ей не повезло: лентяй, да еще и выпить горазд. В выходные дни другие отцы с детишками погулять идут, у нас там лес рядом, а наш – к друзьям, ему лишь бы компания, чтобы выпить с кем было. Вот наберут пива – и в лес, чтобы от жен и детей подальше. Целый день могут так проболтаться. Костер жгут, что-то жарят там над огнем. Вечно от него дымом пахнет, как от шашлычника. Уж дочь его и уговаривала, и ругала, что семья у женатого человека должна быть на первом месте. А он ей в ответ одно: «Я напахался за неделю, имею право культурно отдохнуть...». Вот скажите мне, Семен Борисович, что это за такой культурный отдых?

Вопрос был чисто риторический, ответа она и не ждала, ее рассказ был нескончаемым монологом.

– Я дочери своей и говорю: «Хватит тебе нюни распускать. Разводиться не хочешь, тогда тоже культурно отдыхай...» Мне ее еще и учить приходится, как организовать свой отдых. Когда у меня выходные, я ее отпускаю к подружкам, чтобы от грустных мыслей отвлекалась. Вот она с ними то в кино пойдет, то в кафе, то на выставку кошек на ВДНХ ездили с детишками. А тут один наш доктор мне три пригласительных билета дал в Нескучный сад, там на набережной была выставка «Лучшие яхты мира». Я на нее дочку с детишками и отправила. Вот восторгу-то было! Они вечером своему отцу взахлеб рассказывали, глаза сияют, щечки разругались. А он насупился, как сыч, говорит: «Могли бы и меня пригласить. Я бы тоже поехал...». Ну, я не выдержала и вмешалась, говорю ему: «Так тебе ведь неинтересно с семьей. У тебя своя компания на полянке, там культурно отдыхаете. Только что-то никак культурнее ты не становишься!..» Обиделся он тогда на меня, – вздохнула она.

Семен слушал ее и видел картины их жизни, живо представлял лица ее дочери, зятя, детишек – девочек четырех и шести лет, чувствовал запахи небольшой квартиры, где они жили. У него возникло незнакомое чувство – какого-то нетерпения, страстного желания немедленно встать и записать все, чтобы не забыть. Он понял, что смог бы написать книгу и что сделал бы это хорошо. Потому что одновременно с временной, к счастью, потерей зрения у него обострились все остальные чувства.

Теперь, когда Семен лежал в темноте и фактически был оторван от привычного мира, перед его глазами постоянно мелькали различные картины, в голове незаметно, сами собой складывались целые фразы. Он понял, что созрел. И в первый же день после того, как ему сняли повязку, решил рвануть в книжный магазин. Нужно было посмотреть, что сейчас издают, что люди покупают и вообще – какие книги нынче популярны. Он в последнее время читал редко и мало. В основном что под руку попадалось. Поэтому имел весьма смутное представление о современной литературе. Хорошо бы проконсультироваться с кем-нибудь из знакомых, любителем чтения, с тем, кто в курсе современных, так сказать, тенденций в нынешней литературе. Он вспомнил об однокурснице Олесе, вот кто всегда читал запоем. Даже на лекциях. К тому же она интересовалась литературной критикой, а не только самим процессом чтения. Так что пассивным читателем ее никак нельзя было назвать.

Олеся выдала ему по телефону полную информацию. Незнакомые для него имена мелькали пестрым калейдоскопом, Семен едва успевал записывать. Она увлеклась и тут же стала сортировать имена авторов и названия их книг, настоятельно советуя Семену, что нужно прочесть в первую очередь. Получалось не так уж мало. А учитывая, что он и литературу по программе в университете не одолел, то читать придется день и ночь несколько лет подряд.

– Стоп, подруга! – прервал он ее вдохновенную речь. – Это все замечательно, я тебе очень благодарен. Но давай начнем с минимума.

– Давай, – сразу поскутнела Олеся. – Ты, Сема, совсем не изменился со времен университета. Как тогда выезжал на экзаменах по литературе на шпорах, так и сейчас хочешь обойтись кратким курсом по современной литературе. Зачем тебе тогда читать? В Интернете посмотри аннотации к книгам и будешь иметь приблизительное представление о чем там пишут. Легко и просто. Головка не устанет, – не удержалась и съязвила она.

– Олесюшка, ты клевая девчонка, культурная... Ну что ты хочешь от простого работяги из автосервиса?

– Вот-вот, небось тебе теперь привычен только язык ненормативной лексики. Зачем тебе книжки читать? Посиди там еще немного – и совсем отупеешь. Мужик тридцатник скоро, а он ликбезом решил заняться. И это после университетского образования! О времена, о нравы! – патетически воскликнула она. И уже нормальным тоном деловито поинтересовалась:

– И давно ты там обретаешься?

– Два года. А до этого в армии служил.

– Самое время книжки читать. Лучше поздно, чем никогда, – философски заметила Олеся. – Кстати, наши все собирались на пятилетие окончания университета. Все при деле, хотя в журналистику мало кто подался. Миша Сурков уже ведущий редактор в «Худлите», Танька Скворцова вышла замуж за индуса, развелась, родила индусенка и потом вышла за Пашку Ремизова. Помнишь его?

– Помню гада! Он на меня настучал нашему декану, что я с лекций сбежал! А теперь на кого стучит?

– Кто его знает... Он теперь завуч в школе, какой-то продвинутый педагог. Про него даже в газете «Первое сентября» писали. Но рожа у него злая! Бедные школьники, не завидую им.

– Скажи лучше – бедная Танька. Вдруг он ее бьет?

– Ты что? Танька давно уже замужем за немцем. С Пашкой она тоже благополучно развелась, родила от него и почти тут же уехала со своими детьми в Кельн к своему нынешнему мужу.

– Как-то нестандартно она поступает, – заметил Семен. – Сначала от мужей сваливает, а потом от них рождает. Не проще ли было бы делать наоборот? А еще лучше сбежать – и без последствий.

– Да она у нас вообще отличалась оригинальностью. Забыл разве? Помнишь, как с преподавателем философии роман закрутила? У всех на глазах, даже не скрывала. Его сын на физмате учился, ровесник Таньки. Хотел ей морду бить. А посмотрел на нее и пожалел. Худенькая, маленькая, и чем она так мужиков привораживает? Сейчас русский язык в Пекинском университете преподает.

– А где ее интернациональные дети и немецкий муж?

– Интернациональная команда детей пополнилась за счет младшего братца немецкой национальности. А муж вместе с ней в этом же университете немецкий преподает. Вроде она уже успокоилась. Нашла наконец своего принца. Кстати, я его видела. Они приезжали всем табором в Москву на Рождество. Ничего мужик – такой здоровый, без пивного живота, глаза немного бешеные, заполосные какие-то. И то понять можно – к каждому ребенку свой подход нужен. Поневоле обалдеешь. Представляешь, как интересно? В одной семье трое детей разных национальностей. Такой детсад имени Патриса Лумумбы в миниатюре. Жаль, у них еще

негритенка нет. Ну да еще не все потеряно. Семья молодая, успеют, – залилась колокольчиком смешливая Олеся. – Кстати, заметь, люди делом заняты. Это ты у нас все еще никак не определилась. Какой-то ты, Сенечка, инфантильный. Запаздываешь в развитии. Я уже давно диссер накатала, детей нарожала, с мужем одним и тем же который год семейную лямку тяну, да еще и его подпихиваю, чтобы тоже карьеру делал. А ты все еще мальчик на побегушках: почини автомобиль, подтяни гайки. Где же твой кураж и амбициозность? Без них в наше время фиг чего достигнешь!

– Темная ты, Олеська, – не обиделся на подругу Семен. – Не имеешь представления, что такое автосервис, а туда же – берешься судить. Ко мне, между прочим, клиенты в очередь записываются. И вообще, наш автосалон – это блеск и красота. Клиенты сидят под кондиционером, телик смотрят. А мы тем временем в фирменных робах осуществляем сложные ремонтные работы шикарных иномарок. У нас современное оборудование, техника – закачаешься. Приходи лучше ко мне на экскурсию. Или еще лучше – приезжай на своей тачке. Я тебе ремонт со скидкой оформлю. У меня очень большие возможности, – прихвастнул он.

– Тачка у меня двухполосная. Называется санки. Правда, можно сказать – иномарка, нам их один знакомый поляк подарил. Профессор-русист. Знаешь, как его зовут? Пан Базыль Бялкозович. Его мои детки называют Кот Базилио. Притом они уверены, что это его настоящее имя. Такие у меня остроумные детишки, – опять залилась она звонким колокольчиком. – Хотя насчет единственного средства передвижения вру, есть еще – четыре пары роликовых коньков. Если сломаются, обязательно приеду, – снова рассмеялась Олеся и пожелала бывшему однокашнику успехов в труде и счастья в личной жизни. – А книжки ты все-таки читай. Говорят, люди от них умнее становятся, – услышал на прощание Сема ее напутственные слова.

Ну что ж, какой-никакой совет она ему дала – список популярных авторов у него в руках, а Интернетом он, конечно, тоже воспользуется.

На следующий день Семен съездил в «Библио-Глобус» и приволок домой два фирменных пакета книг. Выложил их на стол, получилась целая гора. Ну ладно, пора ознакомиться с содержанием популярной среди читателей литературы, благо что глаза теперь не болели, а больничный ему продлили.

Прежде всего как человек практичный он поинтересовался тиражами. Оказалось, что книги некоторых авторов издавали в очень приличных количествах – и по десять тысяч, и даже по двадцать. В исходных данных нескольких книг он увидел новое для себя понятие – дополнительный тираж. Это тоже звучало внушительно. Из этого следовало, что книга имела коммерческий успех и быстро разошлась, так, что даже потребовалась ее допечатка. Цены его не удивили – вполне доступные читателю со средним достатком. Хотя с математикой Семен в школе был не совсем в ладах, но несложную операцию по приблизительному подсчету гонораров авторов произвести сумел. Просто умножил цену книги на ее тираж. Даже если вычесть накладные расходы, все равно получалось вполне прилично. Овчинка явно стоила выделки. Осталось самое малое – написать роман.

Пора было определиться с тем, о чем будет его собственная книга, какая она будет. Еще в «Библио-Глобусе» Семен решил понаблюдать, к каким разделам литературы стекается наибольшее количество покупателей. Женщины отесняли друг друга у полок с любовными романами, мужики интересовались книгами про бандитов и шпионов, еще всех привлекала эротика. Это тоже наводило на размышления. Детектив он не осилит, тут нужно придумать что-то оригинальное, к тому же хоть немного владеть темой. А Семен не имел представления о работе прокуратуры, Следственного комитета – отделах, званиях и прочих тонкостях сыска. Тут дров наломалось, все смеяться будут. Вот про любовь он сможет написать. Тем более что тут ему пригодится личный опыт. Сколько у него было романов! А сколько захватывающих любовных историй ему рассказывали друзья! Есть где развернуться.

Можно и про Таньку написать, сюжет ее жизни не просто занимательный, он еще и оригинальный. Индусенка можно легко заменить негретенком. Тогда совсем блеск получится. Прямо старое кино «Цирк» с Любовью Орловой в главной роли. И еще, пускай она в третий раз замуж выйдет за белого американца, дед которого в свое время был куклуксклановцем. Вот где могут развернуться нешуточные страсти! Дед пускай будет уже совсем дряхлый, даже парализованный. Но он по-прежнему ненавидит негров. Пусть он лежит и страдает, что старые добрые времена ушли: вокруг шныряет уйма чернокожих и нет на них укороту. Да еще перед глазами постоянно мельтешит какой-то черномазый недоносок, который выдает себя за сына белокожей русской женщины, коварно прибравшей к рукам его доверчивого внука. И никак нельзя прогнать этих приبلуд, поскольку из-за своей немогущности старик вынужден жить в этой нехорошей семье. А чернокожий малютка, эта ангельская душа, пускай трогательно ухаживает за умирающим дедом и кормит его с ложечки. И Татьяна любит своего мужа-американца, но в ней все годы тлеет огонек любви к ее второму мужу, русскому, от которого подрастает сыночек-богатырь. Однажды русский муж прилетает на конференцию по проблемам... Ладно, потом можно обдумать, по каким-таким проблемам он прилетает и случайно встречается с Татьяной. Между ними вспыхивает давно забытая страсть, ночь любви в небольшом, но уютном отеле, душераздирающая сцена прощания. Татьяна начинает чахнуть от тоски по русскому мужу...

Тут Семен перевел дух и остановился. Он уже успел просмотреть несколько книг о любви, и его впечатлила тоска по жизни, или по страсти – смотря как назвать испытываемые героинями чувства. Больные люди умирали на груди своих здоровых любимых, они долго прощались, все дружно рыдали. Больные наконец отходили в мир иной. У здоровых жизнь шла своим чередом: рождались дети, потом наступал момент раздела имущества. Потому что у ушедших в мир иной вдруг обнаруживались прежние жены и дети или крепкие здоровые родители. И все претендовали на наследство умершего, богатого и несчастного.

Эти, в основном переводные, страсти его угнетали. И собственный сюжет благодаря внуку-негретенку и деду-куклуксклановцу, а главное, чахнувшей Татьяне, вдруг потерял свою привлекательность. Нет, розовые сопли для оригинального романа не годятся. Это уже не ново.

Семен почитал отечественные детективы – симбиоз милицейской хроники, бандитских разборок и любовного романа. На обложках глянцевого издания сплошь женские имена, названия романов причудливые, иногда вообще ничего общего не имеющие с сюжетом. Но зато хлесткие, запоминающиеся, на фоне ярких обложек, образчиков вопиющего кича.

«Ну что ж, мило...», – снисходительно подумал он. Смешно, увлекательно, такая милая трепотня, но так же быстро и забывается. Героини – смешные дурочки, искательницы приключений, с жиру бесятся. Вокруг них трупов тьма тьмущая, все мрут при каких-то загадочных обстоятельствах, и они в одиночку ищут преступника, подвергая себя и своих близких смертельной опасности. В финальной сцене, когда уже смерть дышит главной героине в затылок, всегда приходит на помощь близкий друг-милиционер и спасает глупую, но активную сыщицу. Заодно одним махом завершает за нее следствие. Оказывается, он тайком следил за ее действиями, но не вмешивался до поры до времени. Убийца пойман и скручен, милиционер влюбленно смотрит на героиню и заставляет ее поклясться, что больше никогда никакой самостоятельности она проявлять не будет. До следующего детектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.